

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов
Лакки Старр и океаны
Венеры (пер. А.Левкин)
Серия «Лакки Старр», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158195

Миры Айзека Азимова. Книга 15: Полярис; Рига; 1992

Оригинал: Isaac Asimov, "Lucky Starr and the oceans of Venus"

Перевод:

А. Левкин

Аннотация

Новое задание Лаки в романе Айзека Азимова «Лаки Старр и океаны Венеры» предстояло выполнять вместе с Верзилой (кличка Бигмена) на полностью покрытой океаном Венере, где член Совета Лу Эванс, друг Лаки, обвинялся в получении взятки.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	26
Глава четвертая	38
Глава пятая	51
Глава шестая	60
Глава седьмая	74
Глава восьмая	86
Глава девятая	95
Глава десятая	107
Глава одиннадцатая	116
Глава двенадцатая	125
Глава тринадцатая	135
Глава четырнадцатая	144
Глава пятнадцатая	155
Глава шестнадцатая	166

Айзек Азимов. Лакки Старр и океаны Венеры

Глава первая Сквозь облака Венеры

Лакки Старр и Джон Бигмен Джонс покинули стены Второй Космической станции и не спеша направились к каботажному суденышку, которое уже поджидало их, распахнув шлюз. Несмотря на то что приятели были облачены в громоздкие и неуклюжие скафандры, их движения, несомненно, говорили о привычке к отсутствию силы тяжести.

Бигмен повернулся, чтобы еще раз взглянуть в сторону Венеры.

– Нет, ну это ж надо! Какая глыбища! – в который раз он не смог удержаться от восторга при виде планеты. Кажется, в восхищении дрожал каждый мускул его небольшого (5 футов 2 дюйма) тела.

Бигмен родился и вырос на Марсе. Он привык к красновато-коричневым почвам родной планеты, видел скалистые астероиды. Даже на Земле побывал – зелено-голубой.

А тут вот – такая серо-белая громадина... Венера заслоняла собой половину небосвода. Космическая станция находилась на расстоянии двух тысяч миль от ее поверхности. Вторая станция, точно такая же, располагалась на противоположной стороне планеты. Две станции, служившие ангарами для прибывающих на Венеру межпланетных кораблей, делали виток за три часа, следуя друг за другом, как по наезженной колее.

Впрочем, хотя станции и крутились над самой поверхностью планеты, что-нибудь новое разглядеть не удавалось. Ни тебе континентов, ни морей, ни гор, ни пустынь, ни зеленых полей. Белизна – сверкающая белизна, лишь кое-где нарушаемая серыми линиями.

Белизна – вечно беспокойная облачность, окутывающая Венеру; серые же линии означали границу столкновения воздушных масс. Облака там проседали, и в них приоткрывались щели, в которые можно было разглядеть, что на планету падает дождь.

– Послушай, Бигмен, насмотришься еще на Венеру. Попрощайся лучше с солнышком, – подкусил приятеля Лакки.

Бигмен фыркнул. Для его глаз и земное Солнце было непомерно ярким. А здесь, на орбите Венеры, светило вообще казалось раздувшимся монстром, его яркость в два с четвертью раза превосходила яркость земного и раза в четыре – родного марсианского. Лично он, Бигмен, был даже рад, что Солнце вскоре скроется за облаками. И слава Богу, что на

всех окнах опущены жалюзи.

– Ну, – буркнул Лакки, – ты, недотепа марсианская, заходить будешь?

Бигмен очнулся и обнаружил, что добрался до корабля и одной рукой уже держится за люк шлюза. Но от Венеры взгляд отрывать не спешил. Половина ее еще сияла, когда с востока на блестящий диск быстро, со скоростью вращения станции, наезжала тень.

Лакки подплыл до шлюза корабля и свободной рукой слегка поддал пинка зазевавшемуся Бигмену. Тот, кувыркаясь в невесомости, медленно исчез внутри.

За Бигменом последовал и Лакки – мягко, одним усилием пальца плавно направив тело внутрь шлюза. Сейчас ему было не до веселья, но все равно он не смог удержаться от улыбки, глядя, как Бигмен, растопырив все конечности, висит вниз головой, пытается хотя бы пальцем дотянуться до внутренних дверей шлюза. Лакки вплыл внутрь, и наружные створки сомкнулись.

– Ты, – негодовал Бигмен, – супермен пришибленный! Вот плюну я на тебя когда-нибудь, и ищи себе кого поглупее!

Воздух быстро заполнил маленькое помещение, и открылись внутренние двери, в которых, уклонившись от болтающихся ног Бигмена, появились двое. Один, с виду – главный, был приземист, коренаст и с невероятно длинными усами.

– Что-то случилось, господа? – поинтересовался он.

– Можем чем-нибудь помочь? – спросил второй, более ху-

дощавый, высокий и светловолосый, но с усами примерно того же размаха.

– Можете, – снисходительно кивнул Бигмен. – Покажите нам каюту и скажите, куда повесить скафандры. – Он, наконец, сумел опуститься на пол и принялся разоблачаться. Лакки скафандр уже сиял.

Они вышли из шлюза, двери закрылись. Скафандры, внешняя поверхность которых уже остыла в пустоте, моментально покрылись инеем, и Бигмен поместил их в шкаф-сушилку.

– Итак, – продолжил темноволосый, – это вы – Вильям Вильямс и Джон Джонс?

– Да, я – Вильямс, – кивнул Лакки. Псевдонимом он пользовался уже давно. Люди из Совета Науки старались избегать любой огласки. Тем более, когда предстояло очередное расследование. – Вот наши документы. Надеюсь, багаж на борту?

– Все в полном порядке, – кивнул темноволосый. – Меня зовут Джордж Ривал, я пилот, а это – Тор Джонсон, помощник. Стартуем через пару минут. Если хотите чего, то говорите сразу.

Пассажиров отвели в небольшую каюту, и Лакки облегченно вздохнул. В космосе он никогда не ощущал себя комфортно, если, конечно, не сидел за штурвалом своего быстрого крейсера «Метеор», который отдыхал теперь в ангаре космической станции.

– Хочу вас предупредить, – сообщил темноволосый, – как только мы сойдем с орбиты станции, то гравитация начнет резко нарастать. Если вы почувствуете приступ тошноты...

– Тошноты?! – зарычал Бигмен. – Ты, земноводное, да я уже в детстве держал такие перегрузки, какие тебе и теперь не снятся!

Он оттолкнулся пальцем от стены, скрутил медленное сальто и замер так, что башмаки повисли ровно в дюйме над полом, а палец уперся в ту же самую точку.

– Вот так-то! Попробуй-ка, сделай такое, когда будешь чувствовать себя в хорошей форме!

– Слушай, приятель, – ухмыльнулся помощник, – что ты по пустякам разоряешься...

– По пустякам?! – немедленно вспыхнул Бигмен. – Ты, поваренок, какого... – но рука Лакки легла на локоть Бигмена, и окончание фразы повисло в воздухе.

– До встречи на Венере, – хмуро распрощался начальник. Тор, все еще ухмыляясь, кивнул и последовал за шефом в нос корабля, в рубку.

Бигмен, чей гнев моментально испарился, недоуменно обернулся к Лакки:

– Слушай, что у них за усищи? Я таких длинных в жизни не видал.

– На Венере так принято, – пояснил Лакки. – Там все с такими ходят.

– Хм, – задумался Бигмен, потирая свою безусую губу, –

а интересно, как бы я с ними выглядел?

– Ну, отрасти, – усмехнулся Лакки. – Глядишь, и лица видно не будет.

Он уклонился от кулака ринувшегося на него Бигмена, и тут пол под ногами дрогнул – «Чудо Венеры» отошло от станции. Каботажник развернулся носом в сторону планеты и начал путь по спиральной траектории, которая вскоре опустит их на поверхность.

Лакки Старр почувствовал, как, наконец, расслабляется, едва только корабль стал набирать скорость. Его коричневые глаза прикрылись веками, умное, правильное лицо расслабилось. И хотя он был высок и на вид казался хрупким, но только казался – мышцы Лакки отличались стальной крепостью.

Лакки изведал в жизни уже многое. И хорошее, и дурное. Своих родителей он потерял еще в детстве, их убили пираты возле Венеры, примерно там, где он находился теперь. Воспитали его друзья отца – Гектор Конвей, ныне глава Совета Науки, и Аугустус Генри, начальник Отдела Совета.

Они готовили Лакки к тому, чтобы в один прекрасный день он смог бы стать Советником, членом Совета Науки, организации мощной, осведомленной и в то же время самой скрытной во всей Галактике.

И год назад, окончив Академию, он стал полноправным Советником и вошел в ряды тех, чья профессия – способ-

ствовать развитию человечества и бороться с врагами цивилизации. Он стал самым молодым Советником за всю историю и, кажется, оставался им по сей день.

В своих первых схватках он победил. В пустынях Марса и среди мрачных скал пояса астероидов враги были повержены.

Но борьба со злом и преступлениями – дело не одного дня, и вот снова тревога, снова творятся темные дела, на этот раз – на Венере, и все тем более сложно, что обстоятельства происходящего известны далеко не полностью.

– Я не уверен даже в том, что это Сириус опять мутит воду против Солнечной Конфедерации, – сказал, почесав за ухом, Гектор Конвей, Главный Советник. – А ну как это просто мелкий разбой? Наш представитель на Венере пытается разобраться...

– А вы не послали туда кого-либо из наших спецагентов? – спросил Лакки, который только что вернулся с астероидов.

– Послали, – кивнул Главный Советник, – Эванса.

– Лу Эванса? – темные глаза Лакки радостно блеснули. – Он мой однокашник. Он великолепен...

– Вот как? А наш резидент на Венере требует его отзыва. Отзыва и расследования дела о коррупции.

– Что?! – Лакки в негодовании вскочил на ноги. – Дядюшка Гектор, это немыслимо!

– Что же, слетай туда сам и во всем разберись. Как?

– О Боже со всеми твоими ангелами и архангелами, что за

вопрос! Мы с Бигменом летим, как только «Метеор» подготовят к полету.

И вот уже Лакки видит в иллюминаторе, как над Венерой простирается ночная тень. Через час планета погрузится в полную темноту. Все звезды закрылись гигантским диском Венеры.

Вскоре они вновь оказались на освещенной стороне планеты, только в иллюминаторе дарил уже серый цвет, поскольку корабль приближался к поверхности, облачность была не видна. По сути, корабль начал уже входить в нее.

Бигмен в это время успешно разбирался с гигантским бутербродом с курицей.

– Тьфу, – сказал он, прикончив его и вытерев губы, – не хотел бы я сейчас тащить корабль вниз сквозь эту муру.

Вышли наружу и зафиксировались крылья, теперь корабль использовал атмосферу и характер полета резко изменился: корабль стало трясти то вверх, то вниз, как если бы они съехали с асфальта на булыжную мостовую.

Межпланетные корабли не слишком удобны для посадки на планеты с плотной атмосферой. Поэтому вокруг таких планет, как Земля и Венера, созданы специальные станции. Корабли, возвращающиеся из глубокого космоса, прилетают туда, а уж с этих станций путешественников доставляют на поверхность планеты каботажные суда, способные перемещаться в атмосфере как обыкновенные самолеты.

Бигмен – а он мог бы провести корабль с Плутона на Марс

с завязанными глазами – растерялся бы при столкновении с атмосферой. Даже Лакки, которого в Академии не на шутку натаскивали пилотировать каботажники, и тот не слишком бы обрадовался необходимости сажать корабль вслепую.

– Пока первые люди не оказались на Венере, – сказал Лакки, – они могли наблюдать только ее облачный покров. О планете поэтому знали мало.

Бигмен не отреагировал, поскольку был занят – исследовал пластиковый пакет: не завалился ли там еще один бутерброд.

– Они не могли даже сказать, – продолжал Лакки, несмотря на отсутствие энтузиазма у слушателя, – с какой скоростью планета вращается вокруг оси. Не знали о составе ее атмосферы. Знали только, что там есть углекислый газ, но почти до конца XX века думали, что на планете совершенно нет воды. А потом оказалось, что все совсем не так.

Лакки замолчал. Его мысли против воли вновь и вновь возвращались к закодированному сообщению, которое он получил на полдороге, в десяти миллионах миль от Земли. Сообщение пришло от Лу Эванса, его старинного приятеля, которого Лакки известил, что летит к нему.

Текст был краток, ясен и резок. «Не лезь» – вот и все.

На Эванса не похоже. Вывод был только один – друг попал я беду, и, конечно, ни о каком «не лезь» и речи быть не могло. Ровно наоборот.

– Слушай, Лакки, как странно, – подал голос Бигмен, –

если подумать, что когда-то, давным-давно, люди сидели на Земле, как в курятнике, И никуда оттуда выбраться не могли. И ничегошеньки не знали ни о Марсе, ни о Луне. Жуть какая-то, если представить.

И тут корабль пробил облачный слой. Даже мрачные мысли Лакки рассеялись от вида, открывшегося внизу.

Все произошло внезапно. Только что корабль окружала вечная и безысходная молочная пелена – и вдруг – кругом прозрачный воздух. Поверхность планеты освещалась чистым, ясным светом, а сверху была видна матовая изнанка облаков.

– Лакки, – только что не взвизгнул Бигмен, – ты взгляни!

Под ними на мили, до самого горизонта простирался плотный ковер сине-зеленой растительности. Там, внизу, не было ни возвышений, ни впадин; поверхность была ровной, словно ее разровнял гигантский атомный бульдозер.

Но землянина этот вид бы ошарашил. Там не было ничего! Ни дорог, ни домов, ни городов, ни рек. Одна только неизменная сине-зеленая поверхность.

– Это все углекислый газ, – пояснил Лакки. – Оттого тут все так безумно растет. На Земле его в атмосфере всего три сотых процента, а тут – почти десять.

Бигмен, много лет проживший на Марсе, в углекислом газе понимал.

– А облака почему так светятся?

– Ты забываешь, Бигмен, – улыбнулся Лакки, – что Солн-

це тут светит раза в два ярче, чем на Земле. – Он снова выглянул в иллюминатор, и его улыбка потухла.

– Странно, – пробормотал он.

Внезапно он вскочил на ноги.

– Бигмен, к пилотам, быстро!

В два прыжка Лакки оказался возле служебного отсека. Еще два прыжка – и он у дверей рубки. Дверь не заперта. Он толкнул – та распахнулась. Оба пилота, Джордж Ривал и Тор Джонсон, сидели на своих местах, тупо уставившись в приборную панель, Никто из них не обернулся.

– Послушайте... – начал Лакки, Никакой реакции.

Лакки коснулся локтя Джонсона, и рука помощника раздраженно дернулась, стряхивая с себя захват. Молодой Советник ухватил помощника за вторую руку и крикнул:

– Займись вторым, Бигмен!

Коротышка ринулся вперед, не задавая лишних вопросов, как лихой забияка.

Лакки выдернул Джонсона из кресла. Тот встал на ноги, покачнулся и бросился на пассажира. Лакки увернулся от удара в лицо и прямым правой в челюсть уложил Джонсона на пол. Почти одновременно с ним Бигмен вывернул руку Ривала за спину и быстро пресек его дальнейшее сопротивление.

Затем Бигмен выволок оба тела из рубки и запер дверь. Покончив с этим, он обнаружил, что Лакки лихорадочно во-

зится с управлением.

– Что случилось? – только теперь он позволил себе задать вопрос.

– Мы не начали выравнивание перед посадкой, – мрачно пояснил Лакки. – Я глядел вниз и увидел, что поверхность приближается слишком быстро. И ничего пока не изменилось.

Он отчаянно искал ручку, управляющую элеронами, чтобы изменить угол полета. Синяя поверхность Венеры неумолимо приближалась. Она просто-таки рушилась на них.

Глаза Лакки впелись в показания прибора, следящего за давлением снаружи корабля: чем больше он показывает, тем ближе к поверхности корабль. Теперь плотность нарастала медленней. Лакки осторожно выжимал рукоятку управления. Так и надо: медленно, медленно – иначе на такой скорости элероны просто сорвет. До нуля счетчика высоты оставалось совсем ничего. До поверхности было сотен пять футов, не больше.

Ноздри Лакки раздулись, на шее вспухли вены, он продолжал медленно разворачивать элероны.

– Выравниваемся, – бормотал Бигмен, – выравниваемся...

Но высоты не хватало, Навстречу падала сине-зеленая стена, уже ничего не было видно, кроме нее, и, со скоростью слишком большой и под большим углом, «Чудо Венеры» врезалось в Венеру.

Глава вторая

Купол над океаном

Будь поверхность Венеры такой, какой она казалась с высоты, «Чудо Венеры» разлетелось бы в пыль и моментально сторело дотла. Иначе говоря, карьера Лакки Старра преждевременно бы завершилась.

Но, к счастью, вся эта пышная растительность, изумляющая взгляд путешественника, была водорослями. Сине-зеленая растительность покрывала не камни или скалы, но океан, который, собственно, и занимал всю поверхность планеты.

Хотя и так «Чудо Венеры» рухнуло вниз с громоподобным грохотом, прошло плотный слой клейких растений и продолжило свой путь в глубину. Лакки и Бигмена отбросило к стенке.

Обычный корабль тут все равно разлетелся бы на куски, но каботажник и предназначался для входа в воду на большой скорости: швы корабля отличались повышенной прочностью, а его обводы были гладкими, обтекаемыми; крылья, которые Лакки не успел – да и не сумел бы – убрать, оторвались, но и это не слишком сказалось на мореходных качествах «Чуда Венеры».

Корабль продолжал нестись в зелено-черный мрак океана. Свет уже полностью задерживался толщей воды и плотным

ковром растительности, а прожектора не работали, похоже, при столкновении с водой нарушился какой-то контакт.

Лакки не знал, что делать.

– Бигмен, – позвал он.

Ответа не было. Лакки протянул руку вперед, в потемках обшаривая окрестности. Наткнулся на голову Бигмена.

– Бигмен, – снова позвал Лакки. Он положил руку на грудь приятелю и с облегчением выдохнул: сердце того бьется ровно.

Что с кораблем, Лакки не знал. Кроме того, было понятно, что управлять им в крошечной тьме он не сможет. Оставалось надеяться лишь на то, что возрастающая плотность воды успеет затормозить корабль раньше, чем он врежется в дно.

Он пошарил в кармане и достал маленькую пластиковую палочку дюймов шесть длиной, нажал кнопку, и из торца выстрелил мощный, почти не рассеивающийся пучок света.

Лакки снова склонился над Бигменом. Да, на голове марсианина вспухла здоровенная шишка, но ничего вроде не переломано – во всяком случае, Лакки ничего такого не увидел.

Бигмен моргнул и застонал.

– Держись, парень, – ободрил его Лакки. – Все будет в порядке.

Впрочем, сам он это мнение не очень разделял. Корабль надо привести в порт, а для этого пилоты должны были

остаться живы и согласиться сотрудничать.

Оба венерианца сидели на полу и взглянули на Лакки с таким изумлением, словно он появился прямо из океана.

– Что происходит? – почти простонал Джонсон. – Я сидел за штурвалом, вел корабль, а потом – ничего не помню...

Враждебности в его голосе не было, а в глазах – лишь смущение и боль.

«Чудо Венеры» более-менее пришло в порядок. Двигалось плоховато, но работали все прожектора, и, к счастью, неповрежденными оказались все аварийные батареи. Двигатели шумели вполне мелодично, и каботажник демонстрировал свое третье качество: он предназначался для перемещений не только в космосе и атмосфере, но и под водой.

В рубку вошел Джордж Ривал. Пилот был удручен и крайне смущен. Происшедшее обошлось ему в порезанную щеку, которую Лакки промыл, продезинфицировал и заклеил пластырем.

– Есть несколько течей, небольших, и я их заткнул. Крылья снесены напрочь, и вышли из строя основные батареи. В общем, ремонт предстоит нешуточный, но, думаю, нам еще повезло, что мы так легко отделались. Вы блестяще выкрутились, мистер Вильямс, – с уважением произнес Ривал.

– Надеюсь, вы расскажете мне, что стряслось с вами, – взглянул на него Лакки.

Ривал замялся.

– Не знаю. Чувствую себя полным идиотом, но не знаю.

– А вы? – Лакки обернулся к помощнику.

Тор Джонсон, ковырявшийся в рации, отрицательно покачал головой.

– Последнее, что я помню ясно, – попытался припомнить Ривал, – мы находились еще в слое облачности. А потом – ничего, пока не появились вы с фонариком.

– А вы или Джонсон наркотики не употребляете? – острожно поинтересовался Лакки.

Джонсон раздраженно взглянул на него.

– Нет. Никогда.

– Но что же тогда вас выключило, причем одновременно?

– Хотел бы сам знать, – поморщился Ривал. – Поймите, мистер Вильямс, мы же все-таки не детишки, а пилоты первого класса. – Он простонал. – По крайней мере, были пилотами первого класса. Теперь нас, конечно, понизят.

– Еще посмотрим, – буркнул Лакки.

– Послушайте, – вмешался Бигмен, – какой толк рассуждать о том, что уже прошло? Где мы теперь? Вот что меня волнует. И куда мы тащимся?

– Мы отклонились от курса, это несомненно, – сообщил Джонсон. – До Афродиты хода часов пять-шесть.

– О гром и молнии! – возопил Бигмен, с отвращением глядя в непроглядную темень в иллюминаторе. – Шесть часов в этой клоаке!

Афродита – крупнейший венерианский город с населением в четверть миллиона человек. Еще за милю до него вода вокруг «Чуда Венеры» стала прозрачно-зеленой – от света городских огней. В светящейся изнутри зелени ясно различались темные, лоснящиеся корпуса спасательных судов, высланных навстречу поврежденному кораблю после установления радиосвязи. Суда сопровождали «Чудо Венеры» молчаливым, чуть торжественным эскортом.

Лакки и Бигмен, впервые увидев венерианский подводный город, почти напрочь забыли обо всех свалившихся на них неприятностях.

Издали город казался изумрудно-желтым пузырем, мерцающим и колышавшимся сквозь окружавшую его воду. Смутно различались очертания зданий и мощные перекрытия, которые поддерживали купол над городом, позволяя ему выдержать гигантское давление воды.

С приближением город рос на глазах и светился все ярче. Зеленый цвет разгорался, Афродита становилась менее загадочной, менее сказочной, но все более и более притягательной.

И вот они в гигантском шлюзе, способном вместить небольшую флотилию грузовых суденышек или огромный линейный крейсер. Вода ушла из шлюза, и «Чудо Венеры» подняли на силовом лифте наверх.

Лакки и Бигмен проследили, как выгружают багаж, степенно пожали руки Ривалу и Джонсону и на скиммере от-

правились в отель Бельвью-Афродита.

Бигмен глядел в окошко скиммера, который нес их над крышами домов, огибая гигантские опорные конструкции купола.

– Вот и Венера, – задумчиво произнес он. – Ну, не знаю, стоило ли ради нее так рисковать. Никогда не забуду, как на нас падал океан.

– Боюсь, что это лишь начало, – заметил Лакки.

– В самом деле? – Бигмен озабоченно взглянул на приятеля.

– Зависит от обстоятельств, – пожал плечами Лакки. – Интересно, что нам расскажет Эванс.

Зеленый Зал отеля Бельвью-Афродита оказался именно зеленым – мягко мерцающий свет создавал ощущение, будто и столы, и посетители расположились прямо на дне морском, Потолок был сделан в виде перевернутой чаши, и под ним медленно вращался шарообразный аквариум, вода в котором была заполнена венерианскими водорослями, среди которых скользили различных оттенков морские ленты, пожалуй, самые прекрасные живые создания на Венере.

Бигмен, имея на уме исключительно подкрепиться, прибежал в ресторан первым. Тут его раздосадовало отсутствие клавишного меню, присутствие живых официантов и совершенно возмутил тот факт, что подавался лишь общий комплекс. Но он смягчился, обнаружив закуску замечательной,

а суп так просто превосходным.

Заиграла музыка, публика оживилась, и шар аквариума завращался Весслее.

От удивления рот у Бигмена открылся; обед был забыт.

– Ты глянь-ка... – пробормотал он, указывая на аквариум.

Морские ленты были разной длины – от коротышек дюйма в два до полос длиной в ярд. Все они были тонкими, плоскими, как бумажный лист, и узкими. Перемещались существа, прогоняя по своему телу волну от головы к хвосту.

А каждая еще и светилась, излучая интенсивный цвет. Это было просто великолепно. Во все стороны от каждой ленты расходились маленькие светящиеся спирали: малиновые, пунцовые, розовые, оранжевые, попадались кое-где синие и фиолетовые. Мелкие особи то и дело оплетали собой крупные. И все это – внутри светло-зеленой светящейся воды. Казалось, там плавает и переливается радуга, изысканнейший калейдоскоп огней, постоянно меняющий конфигурацию цветов и сияний.

Бигмен, наконец, продолжил обед и приступил к десерту. Эту штуку официант назвал «медовыми зернышками». Сначала Бигмен созерцал содержимое тарелки с некоторой опаской: зернышки были на вид мягкими оранжевыми овалами, вся масса слегка подрагивала, но с готовностью оказывалась на ложке. На языке зернышки сначала казались вовсе не имеющими вкуса, сухими, а затем вдруг таяли тонким, сладчайшим ликером, с совершенно восхитительным арома-

том.

– О! – мычал от наслаждения Бигмен. – Ты уже пробовал сладкое?

– Что? – рассеянно спросил Лакки.

– Сладкое ел? Это отличный ананасный сок, только в миллион раз лучше... Да что с тобой?

– К нам, похоже, идут, – сквозь зубы процедил Лакки.

– Кого тут еще? – Бигмен сделал движение на стуле, намереваясь проинспектировать окружающих.

– Тише, – едва слышно шепнул Лакки. – Не двигайся.

Бигмен услышал, как к столику приближаются чьи-то шаги, и скосил глаза в их сторону. Бластер остался в номере, но у него с собой была силовая бритва, которая немедленно оказалась в его ладони. Бритва выглядела таким маленьким плоским футлярчиком, по при активизации силового поля могла располовинить что угодно, оказавшееся на пути. Бигмен поигрывал оружием в пальцах.

– Вы позволите разделить с вами компанию? – раздался вполне вежливый голос сзади.

Бигмен обернулся; бритва зажата в руке, готовая к бою. Но человек выглядел совсем не зловеще. Он был толст, а одежда сидела на нем прекрасно. Лицо круглое, сероватые волосы хоть и зачесаны назад, но лысина просвечивала все равно. Глаза были маленькими, голубыми и выражали, скорее, дружелюбие. Разумеется, лицо украшали усы, столь же гигантские, как и у пилотов.

– Сделайте одолжение, – вежливо ответил Лакки. Все его внимание, казалось, сосредоточилось на чашке кофе, стоящей перед ним. Толстяк присел и положил Руки на стол. Затем выставил на общее обозрение запястье. Вскоре на коже возник темный овал, внутри которого, перемигиваясь, затаивались золотые точки, образовавшие контуры Ориона и Большой Медведицы. Потом картинка пропала. Толстяк сидел, глядя на них, и улыбался.

Идентификационную татуировку Совета Науки нельзя ни подделать, ни симитировать. А способ ее проявления на коже по желанию хозяина оставался одним из наиболее охраняемых секретов Совета.

– Меня зовут Мел Моррис, – представился толстяк.

– Да, я понял. Мне о вас говорили, – кивнул Лакки. Бигмен откинулся на спинку стула и сунул бритву в карман. Мел Моррис руководил венерианской секцией Совета, Бигмен о нем слышал. С одной стороны, он успокоился, а с другой – был слегка разочарован, что обошлось без драки, когда он все уже так хорошо придумал – для начала запустить ему в лицо чашку с кофе, потом перевернуть на него стол – и вперед, смотря по обстановке.

– Венера кажется необычной и чудесной, – начал разговор Лакки.

– Вы уже видели наш светящийся аквариум?

– Это прекрасно, – согласился Лакки.

Венерианский Советник улыбнулся и поднял палец. Офи-

циант немедленно принес ему чашку горячего кофе. Моррис подождал, пока тот слегка остынет, отхлебнул и мягко продолжил:

– Полагаю, вы расстроены, увидев здесь меня. Вы рассчитывали встретить другого человека.

– Да, – холодно ответил Лакки. – Я думал, что поболтаю с приятелем.

– Да, – кивнул Моррис, – вы отправили сообщение Советнику Эвансу и назначили ему здесь встречу.

– Вы хорошо осведомлены.

– Конечно. Эванс находится под строжайшим наблюдением. Все его контакты под контролем.

Они говорили очень тихо, даже Бигмен с трудом мог их расслышать.

– Нехорошо, – заметил Лакки.

– Вы говорите это как его друг.

– Да.

– Но, что касается дружбы, он просил вас не прилетать на Венеру?

– Да, вы знаете и об этом.

– Конечно. И вы едва не разбились при посадке. Не так ли?

– Да. Вы считаете, что Эванс опасался чего-то подобного?

– Опасался?! Боже! Старр, ваш друг Эванс все это и подстроил!

Глава третья

Дрожжи!

Лицо Лакки ничего не выказало, он даже глазом не моргнул.

– А подробнее? – попросил он.

Моррис, кажется, улыбнулся опять, но его рта не было видно за громадными усищами.

– Знаете, лучше не здесь, – мягко предложил он.

– Где?

– Погодите-ка, – Моррис взглянул на часы. – Через минуту начнется шоу. Это называется «танцы в морском мерцании».

– В морском мерцании?

– Ну да. Шар засветится зеленым цветом, начнется музыка, и все пойдут танцевать. А мы в это время незаметно улизнем.

– Вы говорите об этом так, словно нам что-то угрожает.

– Вам – угрожает, – вежливо сообщил Моррис. – Но не волнуйтесь, с того момента, как вы оказались в Афродите, наши люди не спускают с вас глаз.

Тут, словно бы из кристального шарика в центре стола, раздался радушный голос. Судя по тому, что остальные посетители повернулись к своим столам, так оно и было.

– Леди и джентльмены, – сообщил голос, – надеемся, обед не разочаровал вас. А теперь мы приглашаем всех в Зеленый Зал, где, чтобы доставить вам приятное, администрация подготовила всем магнетонные ритмы Тоба Тобиаса и его...

Голос говорил еще что-то, но последние слова были заглушены восторженными воплями собравшихся гостей, большинство которых только недавно прилетело с Земли. Свет разгорался ярче, шар аквариума под потолком стал ослепительно изумрудным, и морские ленты засияли чистым серебром. Оказывается, поверхность шара была граненой, и при вращении он разбрасывал по сторонам мягкие, почти гипнотизирующие цветные тени. Мощные звуки музыки неслись из множества небольших динамиков, установленных подле каждого инструмента. А сами инструменты представляли собой стержни разной высоты, играли на которых, умело изменяя магнитное поле вокруг стержня.

Посетители поднялись танцевать. Зашаркали ноги по паркету, над залом витали смешки и перешептывания. Моррис пригнулся к приятелям и дал знак следовать за ним.

Лакки и Бигмен молча отправились за Моррисом. Следом за ними двинулись мрачноватые фигуры, которые, казалось, материализовались из теней на портьерах. Охрана двигалась на почтительном расстоянии, но каждый, Лакки был уверен, сжимал в руке бластер. А как же еще? Венерианский Советник к происходящему относился крайне серьезно.

Лакки с одобрением оглядел апартаменты Морриса. Про-

стенку, но со вкусом. В его кабинете забывалось, что сотней ярдов выше находится прозрачный купол, над которым – сотни ярдов перенасыщенного углекислым газом океана, а еще выше – сотни миль чужой, не пригодной для жизни атмосферы.

Особенно приятно удивила Лакки коллекция микрофильмов, заполнивших целый стеллаж в одном из углов комнаты.

– Вы биофизик, доктор Моррис? – спросил Лакки, автоматически переходя к профессиональному обращению.

– Да, – кивнул Моррис.

– В Академии я тоже делал курсовую работу по биофизике.

– Знаю, – кивнул Моррис еще раз, – читал. Неплохая работа. Кстати, я могу называть вас Дэвид?

– В общем, меня так зовут, – смешался землянин, – но обычно меня называют Лакки.

Бигмен тем временем добрался до фильмов, раскрутил одну пленку и поглядел на свет. Содрогнулся, поставил на место и воинственно заявил Моррису:

– Не очень-то вы на ученого смахиваете.

– Надеюсь, что нет, – ничуть не обиделся Моррис. – Так и надо.

Лакки знал, что тот имеет в виду. Теперь, когда наука насквозь пронизала общество и культуру, ученые не могли оставаться в лабораториях. Поэтому, собственно, и возник Совет Науки. Сначала Совет служил лишь совещательным

органом с тем, чтобы консультировать правительство в тех вопросах галактической важности, когда лишь ученые обладали информацией, необходимой для принятия разумных решений. Но постепенно Совет стал расширять поле своей деятельности, пришлось заняться борьбой с преступностью и контрразведкой. Постепенно в ведение Совета переходили все новые каналы власти. И, надо думать, благодаря его усилиям, в один прекрасный день образуется что-то вроде Империи Млечного Пути, где люди, наконец, станут жить в мире и гармонии.

Так что Советники должны были выполнять множество дел, весьма далеких от занятий чистой наукой, и тут как раз лучше, если они не слишком походили на ученых, кем, несомненно, они оставались.

– Простите, доктор, не могли бы вы сообщить мне неизвестные подробности? – начал Лакки.

– А что вам рассказали на Земле?

– Ничего особенного. Только в общих чертах. Да и то я не слишком доверяю мнениям со стороны.

– Вот как? – довольно улыбнулся Моррис. – Это весьма редкое качество у людей из Центра. Обычно они присылают сюда своих агентов вроде Эванса, что те расскажут, так и есть.

– Ну или таких, как я, – счел необходимым заметить Лакки.

– Нет, ваш случай несколько иной. Мы знаем все о вашей

прошлогодней работе на Марсе и многое из того, что вы осуществили только что на астероидах.

– Это, если бы вы были там вместе с ним, тогда бы могли считать, что знаете многое, – фыркнул Бигмен.

– Заткнись, Бигмен, – резко оборвал заметно покрасневший Лакки, – не до твоих рассказней.

Они сидели в мягких и удобных креслах, привезенных, похоже, с Земли. Голоса звучали немного странно, с едва различимым эхом, и Лакки понял, в чем дело: такой звук возникает в помещении, которое изолировано и защищено от прослушивания.

Моррис достал сигареты и предложил остальным, но те отказались.

– Что вы знаете о Венере? – осведомился он.

– Чему в школе научили. Обычные вещи, – улыбнулся Лакки. – Вторая планета от Солнца, находится от него на расстоянии примерно в 67 миллионов миль. Самый близкий к Земле мир, удален от нее на 26 миллионов миль. Венера чуть меньше Земли, сила тяжести тут примерно пять шестых земной. Вокруг Солнца обращается за семь с половиной земных месяцев, день длиной примерно 36 часов. Температура на поверхности чуть выше чем средняя земная, но не слишком – из-за облаков. И из-за них же не приходится говорить о временах года. Планета окутана облаками, поверхность занята океаном, а тот покрыт водорослями. Атмосфера состоит из углекислого газа и азота, для дыхания непригодна. Хва-

тит, доктор Моррис?

– Пять баллов, – кивнул биофизик. – Вот только спрашивал я не о планете, а о венерианском обществе.

– Ну, это сложнее. Конечно, я знаю, что люди живут тут в городах под куполами, выстроенных на океанском мелководье, и, судя по всему, венерианская жизнь куда более цивилизованная и утонченная по сравнению с марсианской, например.

– Эй! – предостерегающе вскричал Бигмен.

– Вы не согласны с приятелем? – Моррис повернулся к Бигмену.

– Ну, – запнулся тот, – он, наверное, прав, но все равно – не стоило об этом говорить.

Лакки улыбнулся и продолжил:

– Венера – планета весьма развитая. Полагаю, тут примерно пятьдесят городов с общим населением в 6 миллионов. Вы экспортируете сухие водоросли, которые, как мне сказали, прекрасное удобрение, и брикеты сублимированных дрожжей на корм скоту.

– Отлично, – прокомментировал Моррис. – Да, кстати, как вам понравился обед в Зеленом Зале?

– Очень понравился, – машинально ответил Лакки, несколько сбитый с толку резкой сменой темы. – А почему вы об этом спрашиваете?

– Сейчас поймете. Что вы ели?

– Точно не скажу, – задумался Лакки. – Это был комплекс.

Кажется, мясной гуляш с каким-то изысканным соусом и овощи, насчет которых ничего не могу сказать. Фруктовый салат, кажется. Да, еще сначала – томатный суп.

– И медовые зернышки, – добавил Бигмен.

Моррис оглушительно расхохотался.

– Господа, вы ошибаетесь! Никакого салата, ни мяса, ни овощей, ни томатного супа! Даже – никакого кофе! Вы ели только одно. Дрожжи!

– Что?! – скривился Бигмен.

На мгновение опешил и Лакки.

– Вы это серьезно? – спросил он, сощурившись.

– Конечно. В Зеленом Зале кормят только этим. Но никогда не скажут, а то распугают всех землян, Погодите, они вас еще спросят, как вам понравилось то или иное блюдо, как его можно улучшить и всякое такое. Зеленый Зал – это что-то вроде специальной лаборатории.

Бигмен скривился окончательно.

– Это противозаконно, – прошипел он перекошенным ртом, – я на них управу найду! Буду жаловаться а Совет Науки. Они не имеют права пичкать меня всякой гадостью, не поставив предварительно в известность! Что я им, корова или, или...

Закончил он уже совершенно Вессловесной и отчаянной жестикуляцией.

– Кажется, я угадал, – хмыкнул Лакки, – дрожжи находятся в определенной связи с инцидентами на Венере.

– Угадали, вот как? – сухо переспросил Моррис. – Значит, вам не показали наши официальные сообщения. Что ж, я не удивлен, Земля считает, что мы вечно преувеличиваем. Уверю вас, это не так. И не просто инциденты. Дрожжи, Лакки, дрожжи! Это же основа венерианской жизни!

В кабинет Морриса въехал самодвижущийся столик. На нем возвышалась пофыркивающая кофеварка и три чашки с уже налитым кофе. Сначала столик остановился возле Лакки, потом подъехал к Бигмену. Моррис взял третью чашку, пригубил и вытер свои могучие усы.

– Есть сахар и сливки, если желаете.

Бигмен взглянул и поморщился.

– Опять дрожжи? – осведомился он у Морриса с плохо скрываемой неприязнью.

– Нет. Настоящие, клянусь вам.

Какое-то время они молча пили кофе, затем Моррис продолжил:

– Венера, Лакки, слишком дорога для содержания. Наши города добывают кислород из воды, а это требует гигантских электролитических станций. Каждому городу необходимы гигантские силовые опоры, а то миллионы тонн воды раздавят купола. Электроэнергии Афродита потребляет примерно столько же, сколько вся Южная Америка, а население тут – лишь тысячная часть тамошнего.

И на энергию надо заработать. Мы должны расплачиваться за источники энергии, за специализированную технику, за

атомное горючее и так далее. А единственный продукт экспорта Венеры – водоросли, водоросли в безумных количествах. Часть из них мы экспортируем как удобрения, но это не решает проблему. Большую часть водорослей мы пускаем на переработку в дрожжи – тысячу и одну разновидность дрожжей.

– Ну, – поморщился Бигмен, – вместо водорослей – дрожжи – не слишком удачная замена.

– А как вам наш обед вообще? – осведомился Моррис.

– Продолжайте, доктор Моррис, – сказал Лакки.

– Конечно, мистер Джонс вполне кор...

– Зовите меня – Бигмен!

– Хорошо, – кивнул Моррис, несколько опешив, и окинул взглядом маленького марсианина с головы до ног. – Мистер Бигмен вполне корректен в своем не слишком высоком мнении о дрожжах. Наш основной продукт действительно годится только на корм скоту. Но и это вовсе неплохо. Свинына, откормленная на дрожжах, вкуснее и обходится дешевле, чем при любом другом корме. В дрожжах много калорий, белков, минеральных солей и витаминов.

Но мы выпускаем и продукцию высокого качества, которая используется там, где пища должна храниться долго. В дальних путешествиях, например, часто используется так называемый Y-рацион.

И наконец, у нас производится продукт сверхвысокого качества, очень дорогой и не допускающий долгого хранения.

Это то, что идет в кухни Зеленого Зала. Ничто из того, что готовится там, не является дешевой и общераспространенной пищей, но станет. Я надеюсь на это. Вы понимаете, к чему я клоню, Лакки?

– Кажется.

– А я – нет, – воинственно заявил Бигмен.

– У Венеры будет монополия на производство деликатесов, – пустился в объяснения Моррис. – Никакой другой мир не в состоянии производить их. Без венерианского опыта по части зимокультур...

– Чего, чего? – перебил Бигмен.

– Ну, дрожжей. Не имея нашего опыта, никто не сможет освоить их производство. Так что Венера может освоить крайне выгодное дело – производство деликатесов для всей Галактики. Что важно не только для нее, но и для Земли, и в целом для всей Солнечной Конфедерации. Мы – наиболее перенаселенная система в Галактике, поскольку самая древняя. Если бы нам удалось уравнять в цене фунт дрожжей и тонну зерна, то это было бы прекрасно.

Лакки с вниманием выслушал лекцию Морриса.

– И по этой же причине, – сделал он вывод, – чужим силам было бы выгодно не допустить эту монополию Венеры и тем самым ослабить и Землю.

– Вы понимаете! Надеюсь, что смогу убедить и остальных членов Совета в этом. Если экспериментальные образцы дрожжей будут украдены вместе с частью документации,

то последствия могут быть ужасны.

– Отлично, вот мы и добрались до сути. Такие кражи уже были? – поинтересовался Лакки.

– Пока нет, – мрачно ответил Моррис. – Но за последние шесть месяцев возросло количество случаев мелкого воровства, творятся какие-то странные вещи, происходят непонятные инциденты. Иногда так просто нелепые: один старик, например, ни с того ни с сего швырнулся деньгами в детей, а потом отправился в полицию и заявил, что его обокрали. А когда свидетели показали, что деньгами он швырнулся по своей воле, то изошел в ругани, утверждая, что ничего подобного делать не мог. Был случай и посерьезней: машинист портового крана опустил груз в полтонны табака не в том месте и задавил двоих. Позже он говорил, что ничего не помнит.

– Лакки! – возбужденно вскрикнул Бигмен. – Пилоты каботажника утверждали то же самое!

– Да, – кивнул Моррис. – И я почти рад, что с вами – раз уж вы остались в живых – произошла эта история. Теперь Совету будет куда легче поверить, что за всем этим стоит нечто.

– Вы имеете в виду гипноз? – предположил Лакки.

Губы Морриса сжались в угрюмую, невеселую улыбку.

– Мягко сказано, гипноз, Лакки. Вам известны случаи, когда гипнотизер способен оказывать воздействие на расстоянии, да еще на тех, кто того не желает? Я утверждаю, что некая персона или группа лиц достигли способности полно-

го ментального контроля над остальными. Они наращивают свои возможности, тренируются, становятся все более изощренными. Борьба с ними становится с каждым днем сложнее. Может быть, уже поздно!

Глава четвертая

Советник под арестом

– Никогда не поздно, если за дело берется Лакки! – глаза Бигмена блеснули. – С чего начнем?

– С Лу Эванса, – спокойно произнес Лакки. – Я все жду, что вы заговорите о нем, доктор Моррис.

Брови Морриса недовольно сошлись, лицо скривилось.

– Вы его друг, – вздохнул он, – и захотите его защищать. Это осложняет дело. История и так неприятная – в нее вовлечен Советник, а уж то, что он ваш друг, и вовсе нехорошо.

– Дружеские чувства тут ни при чем, – возразил Лакки. – Просто я знаю Лу Эванса настолько, насколько люди вообще могут знать друг друга. И я убежден, что он не может принести вреда Совету Науки.

– Ну что же, судите сами. Чего добился Эванс за свою командировку на Венере? Ничего. «Спецагенты»... звучит-то красиво, да вот толку от них чуть...

– Простите, мистер Моррис, вас задело его появление?

– Нет, конечно. Просто я не видел в этом смысла. Мы же выросли на Венере и все здесь знаем. Почему они считают, что визитер с Земли может разобраться во всем за неделю?

– Но иногда полезен и свежий взгляд на вещи.

– Ерунда. Вот что я вам скажу: беда в том, что руковод-

ство на Земле не слишком серьезно относится к нашим проблемам. В чем смысл командировки Эванса? Чтобы он быстро все осмотрел, разнюхал, что может, и доложил начальству.

– Знаете, Центральный Совет мне хорошо известен, и я не могу с вами согласиться.

– Как бы то ни было, – продолжал ворчать Моррис, – три недели назад этот ваш Эванс потребовал, чтобы ему предоставили данные, полученные при экспериментах с некоторыми штаммами дрожжей. Но на производстве ему отказали.

– То есть как? – удивился Лакки. – Но запрос делал Советник!

– Верно, но люди там немного мнительные. И потом вы, например, таких запросов не делали. Даже руководство Совета не делало. Они попытались выяснить у Эванса, зачем ему эти данные, но он отказался разговаривать с ними на эту тему. Тогда они переслали его запрос ко мне, и я ему отказал окончательно.

– На каком, собственно, основании? – Лакки стал очень серьезен.

– А он даже мне не сказал, зачем ему это потребовалось. Простите, но я глава венерианского отделения Совета, и втайне от меня ничего происходить не может. А приятель ваш, Эванс, после устроил такое, что вообще ни в какие ворота не лезет. Выкрал данные. Просто взял и выкрал. Использовал свое положение Советника, вошел внутрь запрет-

ной зоны дрожжевого производства и вышел оттуда с микрофильмами в сапогах.

– Видимо, у него были основания поступить так.

– Не знаю, только поступил он именно так, – Моррис разозлился вконец. – В фильмах содержалась документация, касающаяся формул питательной среды для нового, весьма сложного типа дрожжей. А двумя днями позже человек, который составлял эту смесь, всыпал туда ртутную соль. Дрожжи погибли, и насмарку пошла работа шести месяцев. Тот рабочий утверждал, что не делал ничего подобного. Конечно, его исследовали психиатры, и что же? Та же картина – временное помрачение рассудка. Да, конечно, образцы дрожжей у нас еще не крали, но все идет к тому.

– Что же, вы излагаете простую гипотезу, – голос Лакки подтвердел. – Лу Эванс, по-вашему, перешел на сторону наших врагов – кем бы они ни были.

– Уверен, что сириане, – буркнул Моррис.

– Возможно, – согласился Лакки. (Обитатели планет, обращающихся вокруг Сириуса, уже столетия не ладили с землянами. На них можно было свалить что угодно.) – Итак, Лу Эванс дезертировал к ним и согласился поставлять данные, которые позволяли бы им дестабилизировать наше производство. Устраивая сначала мелкие инциденты, а потом – все крупнее и серьезнее.

– Да, это моя гипотеза, А вы можете предложить что-то другое?

– Не мог ли Советник Эванс оказаться тоже под ментальным воздействием?

– Не похоже, Лакки. У нас уже есть опыт по этой части. Никто из пострадавших не терял сознания более чем на полчаса. И их обследование всегда давало заключение о полной амнезии всего, что происходило в это время. Но Эванс в таком случае должен был оставаться под воздействием в течение двух суток, к тому же его исследовали и не нашли никаких признаков амнезии.

– Его исследовали?

– Разумеется. А что вы хотите? Человека обнаруживают с документами повышенной секретности, ловят на месте преступления... Да будь он хоть сто раз Советником, мы обязаны бы были это предпринять. Да, его исследовали, и я лично установил за ним наблюдение. А он сделал попытку улизнуть и передал с помощью своей рации какое-то сообщение. Но теперь мы следим за всеми его контактами, игры кончились. Я его арестовал и подготовил сообщение Центральному Совету – в общем, мне это следовало бы сделать раньше, – где требую его удаления с должности и расследования по обвинению в коррупции либо измене.

– Но сначала... – прервал его Лакки.

– Да?

– Позвольте мне переговорить с ним.

Ехидно улыбаясь, Моррис поднялся с кресла.

– Вам так хочется? Ну что же, я приведу его. Он здесь,

в этом здании. Вообще, мне даже интересно, как он станет оправдываться.

Все трое вышли из комнаты, прошли мимо взявших на изготовление охранников и направились вперед по коридору.

– Это что, тюрьма? – удивился Бигмен.

– Да, на этих этажах что-то вроде тюрьмы, – кивнул Моррис, – На Венере здания используются одновременно для разных целей.

Они вошли в небольшую комнатку, и тут с Бигменом случился приступ хохота.

– Да что такое, Бигмен? – спросил Лакки, тоже отчего-то заулыбавшийся.

– Да так... ничего особенного, – покатывался со смеху Бигмен, на глазах которого появились даже слезы. – Ты просто ужасно смешно выглядишь со своей голой верхней губой. Знаешь, после всех этих усищ кажется, будто у тебя чего-то не хватает.словно их тебе насильно сбрили.

Заулыбался и Моррис и принялся разглаживать свои могучие усы тыльной стороной ладони. При этом вид у него был донельзя довольный и отчасти горделивый.

– В самом деле потеха... – расплылся в улыбке Лакки, – мне это тоже пришло на ум...

– Мы обождем здесь, – сообщил Моррис. – Эванса сейчас приведут, – и он нажал на маленькую красную кнопку.

Лакки огляделся. Комната была меньше, чем кабинет Морриса, и какая-то обезличенная. Обстановка состояла из

нескольких простых стульев и дивана, низкого стола в центре комнаты и двух столиков повыше, поставленных возле псевдоокон, за каждым из которых виднелся неплохо нарисованный морской пейзаж. На одном из этих столов находился аквариум, а на втором – две тарелки. Мелкие сухие горошины – на одной, а на другой – какая-то темная, жирно блестящая масса.

Бигмен машинально следил за Лакки, разгуливавшим по комнате.

– А что это такое? – встрепнулся он внезапно и подскокил к аквариуму. – Смотри-ка!

– Это В-лягушка, – объяснил Моррис. – Тут их любят и держат почти в каждом доме. Эта, по-моему, очень хороша. Вы их еще не видели?

– Нет, – ответил Лакки и тоже подошел к аквариуму.

Тот был два фута в периметре и фута три в глубину. В воде прихотливо изгибались водоросли.

– А она кусается? – спросил Бигмен, сунув в воду палец, и прильнул к стеклу, уставившись на животное.

Лакки устроился рядом с Бигменом. В-лягушка глядела на них почти торжественно. Это было небольшое существо, дюймов восьми в длину, с треугольной головкой, на которой блестели два выпученных черных глаза. Она сидела на шести пухлых лапках, плотно поджатых к туловищу, на каждой лапке были три длинных пальца спереди и еще один – сзади. Кожа зеленая, пупырчатая, и от головы вдоль тела распола-

гались оборчатые плавники. Вместо рта у лягушки был клюв – твердый, изогнутый, чуть смахивающий на клюв попугая.

Пока Лакки с Бигменом ее разглядывали, лягушка стала подниматься вверх. Лапки остались на месте, а пальцы стали выпрямляться, как ходули со множеством сочленений. Коснувшись темечком поверхности воды, лягушка замерла.

Моррис присоединился к приятелям и с нежностью глядел на маленькое существо.

– Из воды они не любят вылезать – пояснил он, – в воздухе слишком много кислорода. Вообще, они его любят, но только в небольших количествах. Чудесные существа...

Бигмен был в полном восторге. На Марсе уже не было своей живности, и эта венерианская лягушка оказалась для него чуть ли не откровением.

– А где они живут? – спросил он.

Моррис почесал лягушке голову. Та прикрыла глаза и мелко задрожала, очевидно, от удовольствия.

– Они живут в водорослях. Их там невероятно много. Живут, как в лесу. Пальцами они способны удерживать стебли водорослей, а клювы могут оторвать самые прочные листья. Они, думаю, могли бы прокусить человеку палец, но я в жизни не слышал, чтобы они хоть кого-нибудь укусили. Странно, что до сих пор вы их не видели, в отеле – целая коллекция.

– Нам просто не представилась возможность, – сухо ответил Лакки.

Бигмен шагнул ко второму столу, взял горошину, смазал ее непонятной черной массой и вернулся к аквариуму. Лягушка немедленно высунула голову из воды и невероятно осторожно взяла угощение из пальцев Бигмена. Тот пришел в неопиcуемый восторг.

– Видели, видели?!

Моррис улыбался так, словно глядел на расшалившихся детей.

– Вот маленький чертенок! Весь день ест. Посмотрите-ка, сейчас она с ним расправится.

Лягушка знай себе хрустела; наконец горошина исчезла в клюве, и тут же животное вновь высунулось из воды. Моррис кинул в ее сторону горошину, лягушка раскрыла клюв и поймала ее.

– А это что такое? – кивнул Лакки в сторону второй тарелки.

– Тавот, – сообщил Моррис. – Тавот для них какой-то совершенно невообразимый деликатес, что-то вроде как для нас сахар. Дело, видно, в том, что им трудно найти в океане углеводород, а они его любят. Иногда мне кажется, что они специально дают себя поймать, – лишь бы их тут этим кормили.

– А кстати, как их ловят?

– Да никак на самом деле. Просто когда вытаскивают водоросли, то там всегда полно лягушек. Ну и других животных тоже.

– Послушай, Лакки, – взволнованно задышал Бигмен, – а если мы одну из них потом возьмем с собой...

Но договорить Бигмену не удалось. В комнату, грохоча сапогами, вошли охранники. Между ними – долговязый и светловолосый молодой человек.

Лакки вскочил на ноги.

– Лу, старина! – и протянул руку.

Одно мгновение казалось, что вошедший поведет себя точно так же, в его глазах мелькнул радостный огонек, но тут же исчез. Руки по-прежнему висели вдоль тела.

– Привет, Старр, – ответил он безучастно.

Протянутая рука Лакки задрожала.

– Я не видел тебя со дня выпуска, – начал он и осекся. Что еще он мог сказать теперь приятелю?

Эванса, казалось, возникшая неловкость не беспокоила. Он кивнул в сторону охранников и с оттенком черного юмора произнес:

– Но с тех пор произошли некоторые перемены. – И после паузы его нервно дрожащие губы продолжили: – Зачем ты приехал? Я же просил тебя не вмешиваться?

– Как я мог не вмешаться, когда в беде мой друг?

– Тогда подождал бы, пока я тебя об этом попрошу.

– Мне кажется, что вы попусту тратите время, Лакки, – вмешался Моррис. – Вы все еще думаете, что видите перед собой Советника. А это – предатель.

Последнее сказанное венерианцем слово прозвучало, будто плевок. Эванс покраснел, но ничего не ответил.

– Только после предъявления мне всех доказательств я позволю применять это слово по отношению к Советнику Эвансу, – сказал Лакки, сделав ударение на слове «Советник».

Лакки сел на стул и какое-то время пристально глядел на приятеля. Но Эванс упорно смотрел в другую сторону.

– Доктор Моррис, будьте любезны, отпустите охрану, – предложил Лакки. – За Эванса я отвечаю лично.

Моррис поглядел на Лакки и, чуть помедлив, дал знак охранникам. Те вышли.

– Послушай, Бигмен, – продолжил Лакки, – тебя не обидит, если я попрошу тебя немного погулять?

Бигмен кивнул и тоже вышел.

– Лу, – осторожно приступил Лакки, – нас тут только трое. Ты, я и доктор Моррис. Три Советника. Давай начнем с нуля. Ты в самом деле забрал данные с производства?

– Да, – кивнул Эванс.

– Зачем?

– Я тебя не понимаю. Да, я украл бумаги. Украл. Все верно. Что тебе еще? Причин для этого у меня не было, я просто это сделал. Чего тебе еще? Оставь меня в покое, – губы его дрожали.

– Вы хотели слышать его объяснения, – вмешался Моррис. – Вот они. То есть их нет.

– Полагаю, ты знаешь, что произошло после твоей кражи, – продолжал Лакки.

– Да, знаю.

– Как ты это объясняешь?

– Никак.

Лакки внимательно разглядывал приятеля, надеясь увидеть в нем того хорошо знакомого ему Эванса – доброго весельчака, с железными нервами и отличным характером. Казалось, не считая усов, которые Эванс отпустил по венерианской моде, ничего в нем не изменилось. Он почти такой же. Но только почти – его глаза бегали, кончики пальцев дрожали, губы пересохли.

Лакки боролся с собой, прежде чем задать очередной вопрос. Ведь говорил-то он с человеком, которого прекрасно знал, с человеком, чья преданность никогда не ставилась под сомнение, с человеком, на кого он мог положиться в самые критические минуты.

– Лу, ты действительно продался? – спросил он наконец.

– Мне нечего сказать, – ответил Эванс пустым, бесцветным голосом.

– Лу, еще раз спрашиваю тебя. Но пойми, я хочу, чтобы ты понял, – я на твоей стороне, что бы ты ни натворил. Если ты причинил неудобства Совету, то, наверное, на это были свои причины. Расскажи нам о них. Если тебе угрожали, вынудили тебя к этому физически или ментально, если тобой управляли или угрожали близким тебе людям – скажи. О Бо-

же, даже если тебя искушали деньгами или властью – скажи. Нет такой ошибки, которую нельзя было бы исправить, сказав теперь правду. Ну же!

Мгновение казалось, что Эванс колеблется. В его голубых глазах застыла боль.

– Лакки, – начал он, – я...

Но вновь съежился и закричал:

– Мне нечего сказать, Старр, нечего!

– Вот так, Лакки, – Моррис сложил руки на груди. – Такое отношение. Но только он знает, в чем тут дело, и нам необходимо заставить его заговорить.

– Подождем.

– Некогда мне ждать, – возразил Моррис. – Прикиньте сами. Времени у нас не осталось. Эти так называемые инциденты учащаются и становятся все более серьезными. С этим необходимо покончить немедленно!

Рука Морриса тяжело легла на спинку стула, и в это время запищал сигнал коммуникатора.

Моррис выхватил рацию, приложил к уху.

– Моррис слушает. Что случилось?... Что? ЧТО? Рация выпала из рук. Он обернулся к Лакки, и лицо его было белым.

– Загипнотизированный в шлюзе номер 23, – выдохнул Моррис.

Тело Лакки напряглось как струна.

– Что значит в шлюзе? Вы говорите о куполе?

Моррис кивнул.

– Я только что сказал, что инциденты становятся все более серьезными, – тяжело дыша, произнес он. – Да, купол. В любой момент океан может хлынуть внутрь Афродиты!

Глава пятая

Берегись, вода!

Под гирокаром мелькали крыши, а сверху неясно виднелся купол. Город, построенный под водой, отметил про себя Лакки, требует практических инженерных чудес.

Города под куполами строились во многих местах Солнечной системы. Самые старые и знаменитые были на Марсе, но там сила тяжести составляет лишь две пятых земной, а сверху давит весьма разреженная атмосфера.

Другое дело – Венера. Гравитация тут пять шестых земной, к тому же все города находились под водой. Хотя их и старались строить на мелководе, так что верхушки куполов только что не высывались из-под воды, все равно – выдерживать приходилось гигантскую нагрузку.

Лакки, как и большинство землян (и венерианцев, конечно), воспринимал эти достижения человеческой мысли как само собой разумеющееся. Но теперь, когда Лу Эванс снова был водворен в камеру и его случай несколько отошел на задний план, живой ум Лакки заинтересовался подробностями нового для него образа жизни.

– А как держится купол, доктор Моррис? – спросил он.

Полноватый венерианец частично обрел самообладание. Он вел гирокар в сторону аварийного сектора и говорил

кратко и отрывисто.

– Диаманитные силовые поля, заключенные в стальные корпуса, – пояснил он. – Корпуса выглядят как балки, которые подпирают купол, но это не так. Сталь бы не выдержала, только силовое поле.

Лакки глянул вниз, на улицы города, заполненные людьми. Там пока еще бурлила беззаботная жизнь.

– А раньше такое случалось? – спросил он.

– Слава Богу, нет, – простонал Моррис, – ничего похожего. Мы будем на месте минут через пять...

– А меры предосторожности? – допытывался Лакки.

– Ну, конечно. Существуют автоматические датчики, следящие за куполом. Они надежны настолько, насколько это вообще возможно. Кроме того, город поделен на секторы, так что при аварии в части купола опасный район будет отделен специальной силовой перегородкой.

– То есть город выживет, даже если океан хлынет в одну его часть? Население об этом знает?

– Конечно. Люди знают, что они защищены, но все же – часть города окажется под водой. Могут быть жертвы, да и разрушения окажутся серьезными. Но куда хуже другое: если человека можно заставить сделать такое однажды, то где гарантии, что это не повторится в любой момент?

Бигмен то и дело озабоченно посматривал на Лакки, но тот нахмурил брови и, казалось, полностью ушел в себя.

– Вот мы и прибыли, – буркнул Моррис, когда гирокар

быстро снизился и приземлился на открытую площадку.

Часы Бигмена показывали два часа пятнадцать минут, но это не означало ровным счетом ничего. Венерианская ночь длится восемнадцать земных часов, да под водой не было и разницы между днем и ночью.

Городские огни сияли как обычно. Если город чем-то и отличался от своего обычного вида, то лишь возбужденностью обитателей.

Странно, но к месту аварии валил народ отовсюду: новость распространилась среди горожан со сверхъестественной скоростью, и многие заторопились сюда в надежде поглазеть на непривычное зрелище. Вели они себя так, словно присутствовали на цирковом параде или торопились на концерт магнетонной музыки.

Полиция сдерживала толпу на расстоянии и освободила проход для Морриса и его спутников. Тонкая пластина прозрачного материала уже отделила аварийный сектор от остального города.

Моррис пропустил Лакки и Бигмена вперед. Они вошли внутрь здания, шум толпы стих словно отрезанный. Навстречу Моррису торопливо направился какой-то человек.

– Доктор Моррис... – начал было он, но Моррис остановил его и торопливо представил собравшихся друг другу.

– Лиман Тернер, главный инженер. Дэвид Старр, Советник. Бигмен Джонс. – Затем, услышав сигнал вызова в дру-

гом помещении, с резвостью, неожиданной для его комплекции, ринулся туда, бросив на ходу: – Тернер введет вас в курс дела.

– Одну минуту, мистер Моррис, – взмолился Тернер, но Моррис не остановился.

Лакки подал знак Бигмену, и маленький марсианин ринулся вслед за венерианским Советником.

– Он что, приведет мистера Морриса обратно? – озабоченно спросил Тернер, барабаня пальцами по странному ящику, который висел у него на ремне, перекинутом через плечо. Лицо Тернера вытянутое, волосы – рыжевато-коричневые, кривоватый, покрытый веснушками нос и широкий рот. На лице внятно читалась тревога.

– Не знаю, – покачал головой Лакки. – Моррис может быть необходим там. Я послал приятеля, чтобы он был у него на подхвате.

– Не знаю, что он сможет сделать... – пробормотал инженер, – я вообще не представляю, кто и что тут может помочь.

Он достал сигарету, закурил, предложил Лакки и, довольно долго не замечая его отказа, простоял с открытой пачкой в вытянутой руке, погруженный в невеселые мысли.

– Они эвакуируют людей из опасного сектора? – спросил Лакки.

Тернер вынул сигарету изо рта, снова затянулся, швырнул ее на пол и растоптал каблуком.

– Да, – кивнул он, – впрочем, не знаю... – и его голос за-

тух.

– Перегородка выдержит напор воды?

– Да, да, – пробормотал инженер.

– Но вас что-то тревожит? – спросил, выждав момент, Лакки. – Что вы хотели сообщить Моррису?

Инженер мельком взглянул на Лакки, вцепился в свой черный ящичек и ответил:

– Ничего, не обращайтесь внимания.

Они стояли вдвоем в углу помещения, несколько особняком, а в комнату постоянно входили люди, облаченные в скафандры со снятыми шлемами. Люди вытирали пот со лба, переговаривались и уходили снова. Часть разговоров была слышна.

– ...отправлено не более трех тысяч человек. Мы используем все проходы...

– ...никак до него не добраться. Испробовали все. Его же на сейчас пытается уговорить его по радио не делать глупостей.

– ...дело дрянь, рычаг у него в руке. Ему надо только повернуть, и...

– Подкрасться бы к нему да подстрелить! Только чтобы он не заметил нас, а то...

Тернер, казалось, слушал разговоры с мрачным возбуждением, но оставался в углу. Он закурил новую сигарету и тут же швырнул ее на пол.

– Взгляните только на этих зевак! – взорвался он внезап-

но, махнув рукой в сторону толпы, окружившей здание. – Нашли себе развлечение! Весело им! А я не знаю, что делать, говорю вам – не знаю! – он переместил свой ящик в более удобное положение и прижал его к себе.

– А что это такое? – тоном, требующим немедленного ответа, спросил Лакки. Тернер огляделся, сообразил, что речь идет о его ноше, и взглянул на нее так, словно видел впервые.

– А это мой компьютер. Портативная модель, я ее разработал сам, – в его голосе зазвучала гордость. – Другого такого во всей Галактике не сыщешь.

– Отлично, Тернер, – продолжал настаивать Лакки – А теперь давайте рассказывайте все, что вам известно. И немедленно.

Рука молодого Советника мягко легла на плечо инженера, а пальцы потихоньку стали сжиматься.

Тернер покраснел и взглянул на Лакки, Взгляд Советника был холодным и безжалостным.

– Повторите, как вас зовут, – проямлил Тернер.

– Дэвид Старр.

– То есть кого обычно зовут Лакки? – глаза Тернера ожились.

– Да.

– Тогда хорошо. Вам я расскажу. Но только тихо, нельзя, чтобы нас слышали.

Он зашептал, и Лакки придвинулся к инженеру. Входящие и выходящие люди не обращали на них ни малейшего

внимания.

Тернер заговорил медленно, но так, словно был рад, наконец, выговориться.

– Стенки купола – двойные, – начал он. – Сделаны из прозрачного материала, из силикона, это новейший пластик, самый прочный из известных науке. Стенки укрепляются силовыми балками и способны выдерживать чудовищное давление. Силикон не разлагается со временем, его не берет даже кислота, никакие формы венерианской жизни существовать на нем не могут. Кроме того, в океане могут происходить любые химические изменения, а силикон останется совершенно нейтрален. Между двумя стенками под давлением закачан углекислый газ, чтобы сбить напор волны, если вдруг проломится внешняя стенка. Конечно, внутренняя стенка также способна противостоять океану. Кроме того, промежуток между стенками устроен по принципу сот, так что только незначительная часть промежутка заполнится водой при дефекте внешнего слоя.

– Разработано тщательно, – кивнул Лакки.

– Слишком тщательно, – резко ответил Тернер, – Землетрясение, венеротрясение, так сказать, еще может расколоть купол пополам, а ничто иное повредить не в состоянии. Впрочем, в этой части планеты сейсмических процессов не бывает, – он прикурил очередную сигарету. Руки инженера дрожали.

Кроме того, – продолжил он, – каждый квадратный фут

купола снабжен датчиком, следящим за влажностью в промежутке. Вы понимаете, малейшая трещинка – и раздается сигнал тревоги. Даже – микроскопическая, невидимая глазу. Воеет сирена, и все кричат: «Берегись, вода!»

– Берегись, вода, – криво усмехнулся инженер. – Смешно! Я работаю здесь десять лет, и за все время датчики сработали раз пять. В каждом случае ремонт потребовал меньше часа. На поврежденную часть ставится водолазный колокол, вода откачивается, на место повреждения впаивается заплата, силикон застывает, и все в порядке. После ремонта купол только становится прочнее. Берегись, вода! Да у нас за все время и капля внутрь не просочилась!

– Я понял общую картину, – остановил его Лакки. – Теперь конкретно о деле.

– Все дело в сверхнадежности, мистер Старр. Мы отсекли сейчас аварийный сектор, но насколько надежна перегородка? Мы же рассчитывали, что вода будет поступать медленно, тихим ручейком. Тогда все в порядке, и у нас есть время, чтобы справиться с повреждением. Никому же в голову прийти не могло, что в один прекрасный день шлюз будет распахнут настежь! А тогда – поток со скоростью мили в секунду, это то же самое, как если бы на этой скорости в перегородку врезалась стальная болванка. Вода разнесет перегородку не хуже космического корабля на полном ходу.

– То есть вы считаете, она не выдержит?

– Этим никто не занимался. Никто не просчитывал такой

вариант. Полчаса назад этим пришлось заняться мне. Слава Богу, у меня с собой компьютер, я всегда ношу его, куда бы ни пошел. Я сделал некоторые исходные допущения и запустил программу.

– И что, не выдержит?

– Не уверен. Не знаю, насколько корректны некоторые из моих допущений, но, похоже, – не выдержит. Тогда Афродите конец. Всему городу. Нам с вами и всем остальным. Эти толпы снаружи в полном восторге, но стоит лишь безумцу повернуть рычаг, как никого из них не станет.

– Вы давно это поняли? – Лакки глядел на него в ужасе.

– Полчаса, – инженер заговорил торопливо, словно оправдываясь. – А что я могу? Мы же не в состоянии обеспечить скафандрами все четверть миллиона! Я подумал, что надо обговорить с Моррисом возможность эвакуации самых ценных людей города или какой-то части женщин и детей. Но я не знаю, как это можно решить. А вы?

– Нет, – Лакки покачал головой.

– Я даже подумал, – мучительно продолжал инженер, – что сам бы я мог надеть скафандр и удрать прочь. Охрана сейчас вряд ли бдительна.

Лакки внезапно отскочил от дрожащего инженера.

– Боже! – вскричал он, и глаза его сузились. – Я был слеп!

Он повернулся и ринулся прочь из комнаты, а в голове его крутилась жуткая мысль.

Глава шестая

Поздно!

Бигмен чувствовал себя беспомощным. Болтаясь, как привязанный, за неугомным Моррисом, он перемещался от группы к группе, слышал торопливые разговоры и ничего в них не понимал из-за своего полного невежества во всем, что касалось Венеры.

Моррис не останавливался ни на минуту. Постоянно приходили новые люди, поступали очередные сводки, предлагалось очередное решение. Всего лишь за те двадцать минут, что Бигмен находился при Моррисе, было выдвинуто и немедленно раскритиковано с десятков проектов.

Кто-то только что вернувшийся из горячей точки торопливо сообщал, едва переводя дыхание:

– Мы просвечиваем отсек лучами и видим его. Он просто сидит и держит руку на рычаге. Мы стали транслировать туда голос его жены, но, похоже, он ничего не слышит. По крайней мере, никакой реакции. Бигмен закусил губу. А что бы делал на его месте Лакки? Первое, что пришло в голову Бигмену, это незаметно подкрасться и подстрелить безумца (уже выяснили, что его фамилия – Поппной). Конечно, то же самое приходило на ум каждому, но только тот человек забаррикадировался изнутри, а комната, из которой управ-

ляют шлюзом, защищена от любого взлома. Чуть что – срабатывает сигнализация, и... Словом, меры безопасности работали теперь наоборот – во вред Афродите, а не на пользу.

С первым же сигналом тревоги – Бигмен был уверен сто процентно – безумец повернет рукоятку, и океан хлынет внутрь города. Рисковать, пока эвакуация сектора еще не закончена, было нельзя.

Кто-то предложил усыпляющий газ, но Моррис без комментариев отклонил и это предложение. Бигмен, кажется, понял, в чем причина. В самом деле, тот человек не был ни безумцем, ни злодеем, а находился под чьим-то контролем. То есть они имели дело не с одним противником, но как минимум с двумя. Конечно, газ может усыпить исполнителя, но ведь его состояние контролируется, и нет сомнений, сигнал повернуть рукоятку будет дан раньше, чем проявится действие газа.

– Не понимаю, чего он ждет? – рычал Моррис, и пот заливал его лицо. – Из атомной пушки в него, что ли, выстрелить?

Ну, это уже было сказано сгоряча. Снаряду пришлось бы прошить четверть мили жилых строений, так что он вполне мог разнести вдребезги и сам купол, то есть – успешно осуществить именно то, что пытались предотвратить собравшиеся.

«Где же Лакки?» – подумал Бигмен.

– Но если мы не можем убрать парня, – осведомился он

вслух, – то нельзя ли что-нибудь сделать с этим шлюзом?

– То есть? – уставился на него Моррис.

– Обесточить эту ручку. Ведь чтобы открыть шлюз, энергия требуется?

– Отличная мысль, Бигмен! Только... у каждого шлюза свой источник энергии, который контролируется изнутри.

– А извне его никак не отключить?

– Как? Он же внутри, а там все под сигнализацией.

Бигмен посмотрел вверх и представил себе нависающий над куполом океан.

– Это же герметически закупоренные города, – пробормотал он, – как на Марсе. В них надо качать воздух, в каждое помещение. Нет разве?

Тяжело дыша, Моррис вытер пот со лба.

– Да, – вздохнул он. – Все правильно. Конечно, мы так и поступаем, а что?

– То есть и в то помещение тоже?

– Конечно.

Моррис уставился на маленького марсианина с недоумением.

– Вы о вентиляции?

– Ну да. Один из таких каналов должен вести и в ту комнату.

– Нет ли такого места, где проводку можно перерезать, перекусить, сделать что угодно, чтобы обесточить шлюз?

– Погодите... Ну да, засунуть в вентиляцию микро-бомбу

и рвануть, а не закачивать через нее усыпляющий газ, как мы собирались!

– Ненадежно, – перебил его Бигмен. – Пошлите туда человека. Эти же трубы должны быть достаточно широкими? Город под морем все-таки.

– Да, но не настолько же, – Моррис поглядел по сторонам. – Никто из них туда не пролезет.

Бигмен тяжело и горько вздохнул. Последующее потребовало от него всего его самообладания.

– А я? – спросил он грустно. – Я-то пролезу?

И Моррис, уставившись широко раскрытыми глазами на коротышку-марсианина, прошептал:

– О Боже... Да! Пролезешь! Скорее за мной!

Казалось, в эту ночь в Афродите никто не спал. Лакки выбежал из здания и обнаружил, что люди заполнили все окрестности улицы темной колышавшейся массой. Кое-где были натянуты цепи, и внутри отгороженных участков расхаживали полицейские с болтающимися на ремнях пистолетами-глушителями.

Лакки наткнулся на ограждение, оторопел и обвел взглядом окрестности. В небе словно сама собой висела гигантская, украшенная прихотливыми завитушками реклама. Надпись чуть покачивалась в воздухе и гласила: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА АФРОДИТУ, ЖЕМЧУЖИНУ ВЕНЕРЫ!»

Перед ним цепочкой продвигались люди. С собой они несли всякую всячину – чемоданчики, шкатулки с драгоценностями, у кого-то через руку была перекинута одежда. Поочередно они заходили в скиммеры – происходила эвакуация. Организована она была неплохо; в очереди уже не осталось ни женщин, ни детей.

– Могу я взять какой-нибудь скиммер? – спросил Лакки у полицейского.

– Нет, сэр, все заняты, – едва взглянул на него тот.

– Совет Науки, – нетерпеливо пояснил землянин.

– Ничем не могу помочь. Все используется для эвакуации, – полицейский ткнул пальцем в сторону очереди.

– Это крайне важно! Мне необходимо выбраться отсюда немедленно!

– Остается только идти пешком, – покачал головой полицейский.

Лакки с досадой сжал зубы. Сквозь толпу не пробиться ни пешком, ни на автомобиле. Только по воздуху, причем – немедленно.

– Только по воздуху, – пробормотал он себе под нос, злой оттого, что противник так легко его одурачил. – Что бы я мог использовать?

И, хотя он говорил это себе, полицейский неожиданно ответил, усмехнувшись:

– Разве что на хоппере, сэр.

– Хоппер? Где? – глаза Лакки блеснули.

– Да я просто пошутил, – отмахнулся полицейский.

– А я – не шучу. Где можно достать хоппер?

В подвале дома, из которого он только что вышел, нашлось несколько штук, все – разукomплектованные. Лакки с полицейским призвали на помощь четверых из очереди, и вскоре собранный, вполне работоспособный агрегат стоял на тротуаре. Окружающие взирали на это зрелище не без удивления. Кто-то в шутку вскрикнул:

– Прыг-скок, хопперок!

Это была старая подначка, звучавшая обычно на соревнованиях хопперов. Лет пять назад повальная мода на них захлестнула чуть ли не всю Солнечную систему. Соревнования устраивались разные – по выезде, по преодолению препятствий. В те годы венерианцы были в числе главных энтузиастов, так что теперь хопперы пылились чуть ли не в каждом подвале Афродиты. Лакки забрался на сидение и проверил микрореактор – тот работал. Запустил мотор и включил гироскоп. Хоппер моментально выпрямился и прочно взгромоздился на свою единственную ногу.

Кажется, более несуразного средства передвижения человечество не изобретало. Что такое хоппер? Это изогнутый корпус, ширина которого позволяет устроиться на нем седоку, четырехлопастной мотор и единственная металлическая нога, оканчивающаяся резиновым башмаком. В целом это походило на гигантскую большую птицу, которая уснула, поджав под себя одну ногу.

Лакки нажал на кнопку прыжка, и хоппер словно присел – корпус оказался возле самой земли, а нога ушла в трубу, расположенную сразу за сидением. В момент максимальной близости к земле раздался щелчок, нога вытолкнула хоппер вверх, и тот взвился футов на тридцать в воздух.

Вращающиеся лопасти мотора позволяли хопперу довольно долго парить, достигнув наивысшей точки прыжка. В эти секунды Лакки успел оглядеть людскую толпу, оставшуюся внизу. Она растянулась чуть ли не на полмили вперед, то есть прыгать придется несколько раз. Лакки поморщился – утекало драгоценное время. Теперь хоппер летел вниз, вытянув ногу. Толпа начала было разбегаться, хотя беспокоиться на сей счет ей не стоило: четыре струи сжатого воздуха так аккуратно раздвинули людей по сторонам, что нога коснулась почвы, не причинив никому ни малейшего вреда.

Коснулась почвы и снова ушла в трубу. Лакки увидел перепуганные лица вокруг себя, щелчок – и хоппер снова взмыл вверх.

Прыгать на хоппере Лакки был мастак – в юности он даже участвовал в соревнованиях. Умелый хопперист мог вытворять с этим, казалось бы, неуклюжим аппаратом удивительные штуки, даже сальто крутить, и находил место для следующего толчка в ситуациях, казавшихся безвыходными. Разве сравнить скачку по ровным мостовым венерианского города с кроссами по каменистым, осыпающимся склонам Земли?

В четыре прыжка Лакки перебрался через толпу. Вы-

ключил мотор и постепенно – амплитуда прыжков аппарата уменьшалась – остановил хоппер. Свою роль он исполнил. Скиммера все равно не достать, но теперь можно попытаться раздобыть какой-нибудь автомобиль. Но на все это требуется время, время...

Бигмен устал и сделал паузу, чтобы отдышаться. Дела раскручивались быстро, и теперь он сидел в трубе, которая по-прежнему вела его куда-то вперед, Свое предложение Моррису он сделал минут двадцать назад, и вот с тех пор и ползет по трубе, плотно прилегающей к его телу и окутывающей его мглой. Бигмен отдышался и снова пополз вперед, отталкиваясь от стенок локтями. Время от времени он останавливался, чтобы посветить фонариком вперед и всякий раз видел одно и то же: беленые, сужающиеся стены. В карман на рукаве, рядом с обшлагом, была засунута наспех нацарапанная схема вентиляции.

Перед тем как Бигмен полузапрыгнул-полувскарабкался во входное отверстие трубы, гнавшей воздух в помещения шлюза, компрессор был отключен.

– Надеюсь, – пробормотал Моррис, пожимая на прощание руку Бигмена, – что это не даст ему повода...

Бигмен усмехнулся и полез в темноту, а остальные ушли заниматься своими делами. Никто из них не стал говорить об очевидном факте – теперь Бигмен оказался уже за барьером, отгораживавшим аварийный сектор купола. И если руч-

ку повернут, то поток воды раздавит воздуховод, как если бы он был картонным.

Бигмен полз вперед и думал: а если вода прорвется, то он сначала услышит ее грохот или его раздавит немедленно? Бигмен надеялся, что ничего заранее не услышит. Ожидать собственной кончины было ему не по душе. Прорвется, так прорвется, но пусть уж побыстрее.

Он почувствовал, что стена закругляется. Сверился со схемой, освещая ее маленьким фонариком. Это уже второй поворот, из тех, что были отмечены на карте, и теперь труба пойдет вверх.

Бигмен вздохнул и полез вперед, вписываясь в изгиб трубы, изрядно портивший ему настроение и оставлявший синяки на теле. А после него еще и вверх...

– Господи-ты-боже-мой, – пыхтел он, выгибаясь всем телом, оттого что теперь приходилось еще и упираться локтями в стенки, чтобы не соскользнуть вниз. Дюйм за дюймом он вползал на пологий скат.

Моррис срисовал схему с карты, которую ему показали по видеофону из Совета общественных работ Афродиты. Бигмен изучил все изгибы вентиляционной магистрали и выяснил смысл условных обозначений на схеме.

Теперь он добрался до силовых подпорок, перегораживавших трубу поперек. И обрадовался – наконец-то можно за что-то уцепиться руками и дать отдых коленям и локтям. Держась за перегородку левой рукой, он снова сверился со

схемой, сунул ее обратно в карман на рукаве, достал фонарик и повернул его источником света на себя, другой конец прижав к перемычке.

Энергия скрытого в продолговатом корпусе фонарика микрореактора обыкновенно питала мощный источник холодноватого света, но – при переключении режимов – из другого торца фонарика исходило узкое силовое поле, которое запросто резало все, что оказывалось на его пути. Бигмен нажал кнопку и отрезал перемычку с одного края.

Переменил руки и поднес резак к другому краю перемычки. Одно движение – отрезан и тот. Бигмен изогнулся, отодвинулся в сторону, кусок металла проскользнул мимо него и, грохоча, поехал вниз по трубе. Купол пока еще не прорвало. Бигмен, пыхтя и взмокая, уже почти что и думать об этом позабыл. Он продрался еще через две перемычки, миновал очередной изгиб. Потом скат выровнялся, вот, наконец, и компенсаторы, четко обозначенные на схеме. В общем, он прополз не более двухсот ярдов, но сколько времени это потребовало?

А вода пока так и не хлынула.

Компенсаторы состояли из пластин, приваренных по обе стороны трубы, и предназначались для выравнивания воздушного потока. Это была последняя отметка на схеме. С ними Бигмен справился моментально. Теперь следовало отмерить ровно девять футов от их дальнего края. Опять пригодился фонарик – в нем было ровно шесть дюймов, так

что его следовало приложить к стенке ровно восемнадцать раз.

И это оказалось не таким уме простым делом. Дважды фонарик соскальзывал и приходилось начинать все заново, неуклюже пятясь назад к отметке, сделанной у края бывшей компенсаторной батареи.

На третий раз все обошлось. Бигмен ткнул пальцем в искомую точку. Моррис сказал, что нужное место расположено почти точно над головой; Бигмен включил фонарик и аккуратно переместил палец по стенке вверх. Здесь, кажется.

Он переключил свою палочку-выручалочку в режим резания и аккуратно – насколько это было возможно в полной темноте – обвел кругом отметку, стараясь, чтобы резак находился на расстоянии примерно четверти дюйма от поверхности трубы – поле не должно проникнуть слишком глубоко.

Вниз, на дно трубы, упал вырезанный металлический кружок. Бигмен включил фонарик и стал изучать обнажившиеся провода. Где-то тут должна быть стена, за которой сидит безумец. Сидит ли он еще там? Конечно, рычаг он не повернул (а чего, собственно, он выжидает?), а то Бигмен давным-давно бы наглотался водички. Безумца остановили? Обхитрили и схватили?

Бигмен недобро улыбнулся, подумав о таком варианте; что же, тогда получится, что он ползал по этим металлическим дебрям зазря.

Ладно, надо разобраться в проводах. Бигмен стал осто-

можно отводить в сторону связку за связкой. Вот перед ним открылся черный сдвоенный конус. Кажется, это, Бигмен зажал фонарик в зубах и высвободил обе руки.

С крайней о сторожи остью он крутанул две половинки кожуха в противоположных направлениях. Сработали магнитные защелки – и взгляду Бигмена открылись два тускло блестящих контакта, корпус полевого селектора и едва заметный промежуток между контактами. В соответствующих обстоятельствах, например, если будет повернута та рукоятка, селектор сработает, контакты притянутся друг к другу, и ток, который пойдет через установленное соединение, распахнет шлюз. Времени на это почти и не потребуется – какая-нибудь миллионная доля секунды.

Бигмен, взмокший в предчувствии решающего момента, полез в карман куртки и извлек оттуда кусок изолирующего пластика. Тот и так уже был разогрет теплом тела, но Бигмен все равно поразминал пластик в ладони и осторожно приложил к контактам. Сосчитал до трех и убрал.

Теперь, даже если контакты сомкнутся, ток между Ними не пойдет – помешает тонкая пленка пластика.

Пусть он теперь дергает ручку сколько угодно: шлюз не откроется. Улыбаясь до ушей, Бигмен полез обратно, протискиваясь между останков компенсатора, минуя срезанные перегородки, съезжая вниз на скатах...

Сквозь кутерьму и неразбериху, царившие в помещении,

Бигмен пытался высмотреть Лакки. Безумец был схвачен, барьер был снят, и население хлынуло обратно (в большинстве своем недовольное, что администрация допускает такие случаи) в дома, которые были покинуты столь недавно. Что до собравшихся вокруг шлюза зевак, то отбой тревоги был воспринят ими как сигнал к началу праздника.

Тут откуда-то взялся Моррис и потянул Бигмена за рукав:

– Тебя Лакки к видеофону.

– Откуда он? – вздрогнул Бигмен.

– Из моего кабинета в Совете. Я рассказал уже ему о том, что ты сделал.

Бигмен покраснел от удовольствия. Лакки может им гордиться!

– Пойду поговорю... – ответил он степенно и тут же понесся к видеофону.

– Привет, Бигмен, Поздравляю, я слышал, ты был великолепен, – сказал Лакки, но вид у него был мрачен.

– Пустяки, – все равно расплылся в улыбке Бигмен. – Но куда ты делся?

– Доктор Моррис здесь? Я его не вижу.

– Вот он я, – Моррис пододвинулся так, чтобы попасть в объектив.

– Я знаю – вы схватили того парня.

– Да, Благодаря Бигмену.

– Давайте, я отгадаю как, Ручаюсь, он не сделал и попытки повернуть ручку. Просто сдался.

– Да, – нахмурился Моррис. – Но как вы угадали?

– Потому что в шлюзе была устроена комедия. Дело было не в этом. Как только я сообразил, то бросился сюда. Но мне пришлось использовать хоппер, чтобы выбраться из толпы, и машину, чтобы доехать до Совета.

– И? – насторожился Моррис.

– Я опоздал, – ответил Лакки.

Глава седьмая

Разговоры, разговоры...

День подошел к концу, и толпы на улицах рассеялись. Город окутывался спокойной, почти сонной атмосферой, лишь кое-где, собравшись по двое-трое, горожане продолжали обсуждать события последних часов.

Бигмен был раздражен.

Вместе с Моррисом он отправился в штаб-квартиру венецианского Совета. Там Моррис заперся с Лакки, а Бигмена в комнату не допустили. Видимо, не напрасно, потому что Моррис вылетел из дверей как ошпаренный, с мрачайшей миной на лице. Что до Лакки, то он оставался внешне Вестрастным, впрочем, несловоохотливым.

Даже когда они остались наедине, все, что сказал Лакки, было:

– Поехали в гостиницу. Спать хочу. Да и тебе после сегодняшних подвигов не повредит.

Насвистывая марш Советников, что всегда свидетельствовало о том, что мысли его витают где-то далеко, он махнул рукой проезжавшему такси. Машина автоматически остановилась, когда вытянутая рука попала в поле сенсоров. Лакки пропустил Бигмена вперед, наклонился к пульту и набрал адрес: отель Бельвью-Афродита. Сунул в щель кассы поло-

женное число металлических кружочков и нажал кнопку отправления, ногой при этом переключив машину на режим медленной езды.

Такси мягко тронулось с места. Езда, по правде, была комфортабельной и приятной, но из-за своего раздражения оценить это Бигмен не мог. Маленький марсианин взглянул на приятеля. Лакки, казалось, засыпал – откинулся на спинку и прикрыл глаза, мягко покачиваясь вместе с машиной. Они приехали. Автомат отыскал въезд в гараж. Двери раскрылись, машина въехала внутрь.

Только в комнате Бигмен дал волю чувствам.

– Слушай, Лакки, – заорал он, – что происходит? У меня уже шарики за ролики заходят от твоих загадок!

– Видишь ли, Бигмен, – сказал Лакки, стягивая с себя рубашку. – Все дело в простой логике. Что происходило, когда люди оказывались под ментальным контролем? Что там рассказывал Моррис? Некто швырялся деньгами. Крановщик уронил груз. Лаборант подмешал яд в раствор. В каждом случае имело место действие – какое-никакое, но действие. Все они делали что-то, понимаешь?

– Ну? – не понимал Бигмен.

– А сегодня? Не пустяк, серьезное происшествие. Но тут не было действия: человек сидел возле рычага и ничего не делал. Ничего!

Лакки отправился под душ, и Бигмен услышал, как он постанывает от наслаждения под шумящими струями. Не вы-

держав неопределенности, Бигмен отправился следом, что-то бормоча себе под нос.

– Эй, – попытался он перекричать жужжащую воздуходувку, под которой сушился Лакки.

– А? – обернулся тот. – Так и не сообразил?

– Слушай, Лакки, кончай свои загадки. Знаешь же, я терпеть этого не могу.

– Да какие загадки? Просто менталисты сменили стиль. Вот и все. Но этому должна быть причина. Иначе зачем сажать возле рычага шлюза человека, который ни черта не делает?

– Говорю же, ничего не понимаю!

– Ладно, подумай-ка, чего они достигли?

– Ничего?

– Ничего себе ничего! В один момент они согнали в аварийный сектор чуть ли не половину Афродиты, да заодно и всю ее администрацию. Вытащили туда нас с Моррисом. Город остался практически пуст, включая и штаб-квартиру Совета. И я оказался настолько идиотом, что, лишь когда Тернер, главный инженер города, упомянул, что улизнуть из города сейчас ничего не стоит, я сообразил, что происходит на самом деле...

– Не понимаю! Лакки, объясни. А то...

– погоди, парень, – Лакки перехватил летящий в его сторону кулак Бигмена одним движением руки. – Не дергайся. Дело вот в чем. Я кинулся в помещение Совета и обнаружил,

что Лу Эванса там уже нет.

– А куда они его дели?

– Если ты говоришь о людях из Совета, то они его никуда не дели. Эванс исчез. Отключил охранника, забрал его оружие, использовал татуировку Советника, чтобы раздобыть подлодку, и ушел в океан.

– Ты думаешь, что они все для этого и устроили?

– А то? Штучки со шлюзом были отвлекающим маневром. Как только Эванс, живой и невредимый, оказался на воле, они сняли контроль с того парня и его без проблем арестовали.

– О, дьявол, – вконец разбушевался Бигмен, – значит, я впустую корячился в трубе?! Болтался там, как набитый дурак...

– Нет, Бигмен, не так, – вполне серьезно успокоил его Лакки. – Ты отлично исполнил непростую работу, и Совет об этом узнает.

Маленький марсианин покраснел, и на какое-то время гордость вытеснила из его души все остальные чувства. Лакки воспользовался этим, чтобы спокойно лечь и попытаться уснуть.

– Но, Лакки, – не унимался Бигмен, – это значит... я хочу сказать, что если бегство Эвансу подстроили эти... менталисты, то он тогда предатель, а?

– Нет, – резко и почти яростно Лакки сел в кровати. – Он не предатель!

Бигмен ждал продолжения, но Лакки снова улегся и ничего больше не говорил. Бигмен понял, что разговор на эту тему закончен. Только после того как он сам умылся и вытянулся между прохладными пластексными простынями, он снова попытался обрести полную ясность.

– Лакки?

– Да, Бигмен?

– А что дальше?

– Мы отправимся искать Эванса.

– Мы? А Моррис?

– Я хочу изменить план действий, который был разработан на Земле. Я уже говорил об этом Конвею – по пути на Венеру.

Бигмен кивнул. Да, это объясняло, почему его не допускали на беседы. Хотя они с Лакки и закадычные приятели, но сам он – не Советник. А в ситуации, когда Лакки вынужден действовать через головы местного руководства, нежелательны любые свидетели.

Но теперь снова предстояло действовать, а Бигмен тут же начал заводиться. Он предпочел бы оказаться в океане немедленно, в этом гигантском, самом громадном из всех, какие есть на внутренних планетах....

– И когда мы отправляемся?

– Как только нам подготовят подлодку. Только сначала мы повидаем Тернера.

– Инженера? А его-то зачем?

– У меня есть данные обо всех, кто попадал под ментальный контроль, и я хочу разобраться с парнем в шлюзе. Тернер должен быть осведомлен о нем лучше, чем кто-либо. Но перед тем как мы отправимся к Тернеру...

– Что?

– Перед этим надо выспаться, и ты, мартышка марсианская, немедленно заткнешься!

Тернер жил в многоквартирном доме, в котором обитали явно самые высокопоставленные лица местной иерархии. Бигмен даже присвистнул, когда оказался в вестибюле, украшенном панелями из дорогого дерева и объемными изображениями морских пейзажей. Лакки направился к небольшой повозке, немного смахивающей на большой полотер, подождал, пока к нему присоединится Бигмен, и нажал кнопку с номером квартиры Тернера.

Повозочка привезла их на пятый этаж, пронеслась вдоль силовой направляющей по коридору и остановилась возле дверей Тернера. Приятели сошли, и повозка, жужжа, двинулась с места и вскоре исчезла за поворотом коридора.

– Хм, – удивился Бигмен. – Никогда такой штуки не встречал.

– На Венере изобрели. Теперь их внедряют и на Земле, в новых домах. Со старыми-то мороки много, надо все перестраивать, прокладывать специальные дорожки...

Лакки нажал на кнопку, подсвеченную изнутри красным

цветом. Дверь открылась, и из нее выглянула голубоглазая женщина. Она была прекрасно сложена, молода и весьма привлекательна, светлые волосы были коротко обрезаны на затылке и над ушами – по местной моде.

– Мистер Старр?

– Да, миссис Тернер, – Лакки несколько смешался: слишком уж она молода для хозяйки дома.

Но женщина мило улыбнулась приятелям.

– Так заходите! Мой муж предупредил меня, что вы придете. Знаете, он спал сегодня не больше двух часов, так что пока еще не вполне...

Они вошли, и дверь за ними затворилась.

– Извините, что вынужден побеспокоить вас в такую рань, – начал Лакки, – но это вызвано крайней необходимостью. Да мы и не зайдем у мистера Тернера слишком много времени.

– О, ну что вы, я понимаю, – хозяйка прошла по комнате, чуточку нервозно поправляя и без того аккуратно стоявшие на своих местах предметы.

Бигмен ошалело озирался. В этой квартире все диктовала женщина. Убранство комнаты было невыносимо слащавым – нежно-разноцветным, со множеством салфеточек и безделушек.

– Как тут у вас замечательно, мисс, хм, то есть мадам, – выдавил из себя Бигмен, почувствовав на себе взгляд жены Тернера.

– Спасибо, – ответила та, едва не зардевшись. – Хотя не думаю, что Лиману очень уж нравится тот стиль, в котором я все устроила. Но он не возражает. Знаете, я так люблю всякие маленькие безделушки И пустячки... А вы?

От необходимости отвечать на этот вопрос Бигмена избежал Лакки.

– А вы давно здесь живете?

– Почти сразу после женитьбы. Меньше года. Это очень дорогой дом, но он чуть ли не лучший на Венере. Тут все совершенно автономное, есть собственный гараж для коаэтеров, свой коммутатор. Внизу есть даже блоки. Представляете? Блоки! Хотя, конечно, их почти не используют. Даже прошлой ночью. Ну, не знаю, мне так кажется, точно я сказать не могу, потому что все Весслье-то я проспала. Представляете? Даже ничего не слышала, пока не пришел Лиман и не рассказал...

– Может, это и к лучшему, – заметил Лакки. – Вы избежали нервозности.

– Я пропустила развлечение, – возразила она. – Все наши соседи были в самой гуще событий, а я спала. Все на свете проспала, и никто меня не разбудил. Просто ужас.

– Что за ужас? – донесся голос хозяина, и в комнату вошел Тернер. Выглядел он неважно: волосы всклокочены, лицо мятое, глаза заспанные. При нем был все тот же компьютер, на этот раз он держал его за ремень в руке и, когда сел, поставил на пол возле себя.

– То, что я пропустила развлечение, – повторила женщина. – Ну, как ты, Лиман?

– Ничего, спасибо. И не говори о том, что ты пропустила развлечение. Хотел бы я, чтобы это было действительно так... Здравствуйте, Старр. Извините, что заставил вас ждать.

– О, ми только пару минут как вошли, – успокоил его Лакки.

– Ну что же, я оставлю мужчин вести серьезные разговоры, – прочирикала миссис Тернер и на прощание чмокнула мужа в щечку.

Тернер пожал ее руку чуть выше локтя.

– Итак, – начал он, проводив ее взглядом, – извините за мой вид, но я просто не успел еще привести себя в порядок.

– Конечно, конечно. А как сейчас обстоят дела с куполом?

– Мы продублировали людей на вахтах, – Тернер протер глаза, – и уменьшили степень автономности каждого из шлюзов. Увы, это идет вразрез с инженерными тенденциями современности. Мы вынесли кабели питания в город, так что теперь в подобных случаях сможем прекратить подачу энергии. И конечно, будут укреплены аварийные перегородки, и число их – увеличено. Вы курите?

– Нет, – ответил Лакки, а Бигмен покачал головой.

– Тогда не передадите ли вы мне сигарету из той штуковины, которая похожа на рыбу? – попросил Тернер. – Да, из этой. Это все причуды моей жены. Никогда не пройдет ми-

мо забавной безделушки, – улыбнулся он. – Знаете, я поздно женился и до сих пор, кажется, ее обожаю.

Лакки с изумлением разглядывал странноватую, отлитую из камнеподобной субстанции зеленого цвета рыбу, из пасти которой выехала зажженная сигарета, едва он прикоснулся к спинному плавнику.

Тернер, казалось, расслаблялся, когда курил. Он заложил ногу на ногу, и верхняя ступня медленно раскачивалась взад-вперед, едва не задевая компьютер.

– А известно ли что-нибудь о том парне? – приступил к делу Лакки. – Ну, возле шлюза?

– Его исследуют. Безумец, конечно.

– То есть он состоял на учете?

– Ну что вы. Нет, конечно, Я это проверяю – я же главный инженер, и на мне весь персонал.

– Знаю. Потому к вам и пришел.

– Рад бы помочь, да что тут скажешь? Обыкновенный служащий. У нас он месяцев семь, и с ним никогда не было проблем. Прекрасные характеристики: спокойный, скромный, старательный.

– Только семь месяцев?

– Да.

– Он инженер?

– Числится инженером, но вся его работа состоит в том, что он находится на посту у шлюза. Это такая рутина: шлюз надо открывать и закрывать, проверять документацию, вести

записи. Скорее административная, чем инженерная работа.

– Но инженерное образование у него есть?

– Он окончил колледж. Это его первое место, он еще молод.

Лакки кивнул.

– Я слышал, – сказал он как бы между прочим, – что в городе отмечалась уже серия подобных случаев?

– Разве? – Тернер взглянул на Лакки и пожал плечами. – Не знаю, у меня редко бывает время, чтобы просматривать сводки новостей.

Прозвучал зуммер.

– Это вас, Старр, – сообщил Тернер, сняв трубку.

– Да, я оставил записку, что буду у вас, – кивнул Лакки. – Старр слушает, – ответил он, но отключил экран, позволяющий видеть собеседника, и не переключил прием на громкоговорящее устройство.

– Мы пойдем, Тернер, – сказал он, положив трубку.

– Хорошо, – Тернер тоже поднялся с места. – Если могу оказаться вам полезен – милости прошу в любое время.

– Спасибо. И поблагодарите от нас вашу жену.

– В чем дело? – спросил Бигмен, едва они оказались на улице.

– Наш пароход готов, – сообщил Лакки, останавливая такси.

Они залезли внутрь, и Бигмен снова нарушил молчание:

– Ты чего-нибудь от Тернера добился?

– Да, выяснил кое-что, – Лакки был немногословен.

Бигмен тяжело вздохнул и сменил тему:

– Надеюсь, мы разыщем Эванса.

– Я тоже.

– Да, попал он в переделку... Чем больше я об этом думаю, тем поганей мне кажется дело. Не знаю, шпион Эванс или нет, но его начальник требует от Земли расследования...

Лакки повернул голову и с изумлением взглянул на Бигмена.

– Моррис еще не посылал рапорта на Землю! Как ты мог не расслышать этого вчера?

– Не посылал? – опешил Бигмен. – А тогда кто же?

– Господи! – охнул Лакки. – Ну уж это должно быть понятно! Да Эванс же! Только подпись поставил Морриса.

Глава восьмая

Советник, ау!

Лакки быстро освоился с управлением подлодкой и уже чувствовал себя в океане, как дома.

Служащий, который привел их на корабль, стал было читать лекцию о его устройстве и использовании, но Лакки остановил его, задав пару конкретных вопросов, а Бигмен разразился очередной порцией бахвальства: «На свете еще не изобрели штуковины, которой бы мы с Лакки не могли управлять!». Ну, хвастаться, конечно, не очень хорошо, но говорил Бигмен почти чистую правду.

Подлодка «Хильда» выключила двигатели и легла в дрейф. До этого она стремительно и бесшумно рассекала милю за милей черноты глубин венерианского океана, ни на секунду не включая свои мощные прожектора. Все равно радар обшаривал окрестности куда более тщательно, чем в состоянии был сделать это свет.

Что и происходило теперь. Волны определенной частоты, подобранной так, чтобы отражение от любого препятствия оказалось бы максимальным, разбегались во все стороны от корабля, словно пальцами гигантских невидимых рук обшаривая океан.

Но ничто не отражалось на экране радара. «Хильда» за-

таилась во тьме на дне океана, в полумиле от поверхности воды, и только покачивалась вместе с мягкими колебаниями океанских течений.

Сначала Бигмен не слишком обращал внимание на то, что творится на экране радара: за иллюминатором разворачивалось шикарное представление.

Все живущее в венерианских глубинах фосфоресцирует, так что дно океана было усеяно цветными огнями куда более крупными, чем звезды, – яркими, да еще и движущимися. Бигмен расплющил нос о толстое стекло и озирает это в полном восхищении.

Тут были такие небольшие кружочки, которые двигались медленными рывками; что-то еще проносилось с такой скоростью, что казалось просто светящейся ниточкой. Тут, кстати, в изобилии виднелись и знакомые Бигмену с Лакки по Зеленому Залу морские ленты.

К Бигмену вскоре присоединился и Лакки.

– Если я еще что-то помню из ксенозоологии...

– Из чего?

– Так называется наука о внеземных живых существах, Бигмен. Перед полетом я проглядел учебник. Книга у меня с собой, возьми, если тебе интересно.

– Книга? Еще чего! Ты мне просто расскажи.

– Ну ладно, начнем тогда с этих маленьких кружков. Полагаю, они относятся к классу пуговичных.

– Пуговичных? – переспросил Бигмен. – А, кажется, я по-

нял, что имеется в виду.

Их тут как раз проплывала мимо иллюминатора целая стая: желтые светящиеся овалы. И каждый был помечен как бы двумя короткими параллельными линиями. Пуговичные перемещались рывками, затем на несколько мгновений замирали и опять отскакивали в сторону. Их было так много и дергались они столь беспрерывно и согласованно, что Бигмену стало казаться, что всякие полминуты дергается «Хильда», а вовсе и не они.

– А вот это вроде отложенные яйца, – пробормотал Лакки и замолк, продолжив лишь чуть погодя. – Вообще, большую часть тварей я не могу опознать. Стой! Это, похоже, алое пятно! Взгляни-ка, вон та яркая штука с нечетким контуром? Сейчас она примется лопать пуговиц.

Желтые блошки засуетились, почувствовали приближение хищника, но поздно – дюжинка пуговиц оказалась накрытой красным пятном. Какое-то время пятно оставалось единственным источником света в иллюминаторе – остальные разбежались кто куда.

– Пятно выглядит просто как большой блин, – продолжил Лакки. – Там, в нем, в общем, ничего и нет, только кожа и чуть-чуть мозгов. Толщиной в дюйм. Его можно разодрать в нескольких местах, а ему хоть бы хны. Видишь, какое это потрепанное? Похоже, рыба-стрела его слегка поела.

Пятно уходило из поля видимости. Какое-то время за иллюминатором господствовала темнота, светились, затухая,

лишь два умирающих желтых огонечка. Постепенно пуговицы стали возвращаться на место.

– Пятно это – продолжил Лакки, – своим телом прижимает пуговиц ко дну, постепенно всасывает их и переваривает. Но есть другой подвид, оранжевое пятно, то – куда более агрессивно. Может выстрелить струей воды, да такой, что человека с ног собьет, даже если само только фут в диаметре и толщиной с бумажный лист. Говорят, среди них попадаются и гигантские особи.

– А какие гигантские? – заинтересовался Бигмен.

– Точно не скажу, но в книге сказано, что доходили сведения о невероятных монстрах – о рыбе-стреле длиной в милю или пятне, которое в состоянии накрыть собой всю Афродиту. Не знаю, настолько это соответствует действительности.

– Миля в длину?! Враки!

– А что? – Лакки пожал плечами. – Почему бы и нет? Мы же видим пока только обитателей мелководья. А в некоторых местах глубина океана миль десять. Там всякой твари места хватит.

– Рассказывай... – Бигмен взглянул на приятеля с подозрением. – Ты мне не вкручиваешь? – он повернулся и отошел в сторону. – Где, ты сказал, эта книжка? Лучше-ка я ее сам прочту.

«Хильда» вновь сменила позицию. Радар продолжал свой неустанный труд. Через какое-то время лодка снова двину-

лась с места. Снова переместилась. Лакки медленно кружил корабль по плато, окружавшему Афродиту, и мрачно глядел на экран.

Где-то здесь должен быть Эванс. Он просто обязан оказаться тут! Потому что его корабль не предназначен ни для перемещений по поверхности, ни в глубине, большей чем две мили. Он обречен болтаться здесь, на плато в окрестностях города.

Он снова сказал себе «обязан», и тут на экране вспыхнул огонек. Тут же автомат вычислил и вывел на экран указатель курса на появившийся предмет.

– Вот он! – рука Бигмена обрушилась на плечо Лакки.

– Возможно, – поморщился тот. – Если не другой корабль или останки затонувшего.

– Засеки его, Лакки, засеки курс!

– Да все уже в порядке. Сейчас мы к нему подойдем.

Бигмен почувствовал ускорение и услышал шум двигателей.

Лакки пригнулся к передатчику с шифровальным устройством и стал настойчиво повторять:

– Лу! Лу Эванс! Это Лакки. Подтверди прием. Лу! Лу Эванс!

И – снова и снова. Точка на экране становилась все ярче – они приближались. Ответа не было.

– Слушай, Лакки, – заявил Бигмен. – Та штука, похоже, не двигается. Наверное, это затонувший корабль. Если бы это

был Советник, так он или ответил бы, или смылся.

– Молчи! – прикрикнул Лакки и продолжил взывать в микрофон:– Лу! Не надо прятаться! Я знаю все, я знаю, почему ты послал сообщение, подписавшись Моррисом, и потребовал своего отзыва на Землю. Я знаю, кого ты подозреваешь! Подтверди прием!

Приемник зашумел. Из динамика дешифровальщика слышалась вразумительная речь:

– Не лезь! Понял, так и не лезь!

Лакки удовлетворенно улыбнулся. Бигмен прыгал от радости:

– Как ты его заделал!

– Я тебя сейчас подберу к себе на корабль. Держись, Лу. Мы с тобой во всем разберемся.

– Нет, – медленно возвращались слова. – Ты не... не понял... Я хочу... – и почти в истерике: – Не приближайся, Лакки! Стой!

И больше ни звука. «Хильда» медленно приближалась к кораблю Эванса. Лакки откинулся на спинку кресла и нахмурился.

– Не понимаю, – пробормотал он. – Если он так перепуган, то почему стоит на месте?

Бигмен не расслышал и гордо сообщил:

– Ах, как ты здорово сблефовал, Лакки!

– Ох, Бигмен, – вздохнул Лакки. – Нет здесь никакого блефа. Я знаю ключ к этой истории. Ты бы тоже все понял, если

бы дал себе труд немного подумать.

– Что ты узнал? – недоверчиво переспросил Бигмен.

– Помнишь, когда мы с Моррисом вошли в ту комнату, куда потом привели Эванса? Помнишь, что там произошло?

– Нет.

– Ты расхохотался. Сказал, что я потешно выгляжу без усов. И я сам ощутил совершенно то же самое, глядя на тебя.

Помнишь?

– Ну, вспомнил.

– А ты не подумал, с чего бы это? Мы же глядели на усачей уже несколько часов. Почему же одна и та же мысль возникла у нас одновременно?

– Понятия не имею.

– Надо думать, некто обладает телепатическими способностями и может передавать ощущения от одного мозга к другому.

– Ты имеешь в виду менталистов? Кто-то из них находился в комнате вместе с нами?

– А что, разве не похоже?

– Но это невозможно! Там был только Моррис. Лакки! Так это Моррис...

– Моррис тоже глядел на нас не меньше часа. С чего бы это ему вдруг изумиться, что мы безусы?

– Значит, там кто-то прятался?

– Не совсем так, – усмехнулся Лакки. – В комнате было еще одно живое существо, и сидело оно на самом видном

месте.

– Ты что?! – покатился со смеху Бигмен. – В-лягушка?

– А то? – Лакки был настроен миролюбиво. – Мы, поди, первые люди без усов, которых она в жизни увидела. Вот и удивилась.

– Но это невозможно!

– Почему? Вспомни-ка, их полно в городе, люди их содержат дома, кормят, балуют. Слушай, как по-твоему, они их действительно любят? Или сами лягушки навязывают свою любовь телепатически, чтобы их содержали и кормили?

– Да что ты, Лакки, – обиделся Бигмен. – Что тут странного, что их любят? Они же такие милые. Зачем им людей гипнотизировать?

– А ты уверен, что полюбил их сам? Тебе никто не навязал?

– Никто мне ничего не навязывал. Понравилась она мне и все.

– Вот как? Но через две минуты, как ты впервые увидел В-лягушку, ты принялся ее кормить. Помнишь?

– Ну и что тут плохого?

– А чем ты ее кормил?

– Тем, что ей нравится. Горохом, смазанным таво... – Бигмен осекся на полуслове.

– Именно. Этот тот самый тавот и вонял. Никакой ошибки. Но как ты сообразил, что горох надо смазать этим? Ты что, всегда кормишь животных тавотом? Тебе известны су-

щества, которые бы его жрали?

– О Господи... – бессильно пробормотал Бигмен.

– Так как? Ты полностью контролировал себя или лягушка подсказала тебе, что ей надо?

– Я не думал... – бормотал Бигмен, – Теперь вес так ясно, когда ты объяснил. Я просто отвратительно себя чувствую.

– Почему?

– Отвратительно. Как представлю, что всякие животные распускают в моем мозгу всякие дурацкие мысли, так меня начинает мутить. Антисанитария просто какая-то, – и от отвращения Бигмен сморщился.

– Увы, – вздохнул Лакки. – Тут дело похуже, чем антисанитария. – И снова повернулся к экрану.

До кораблика Эванса оставалось меньше полумили. На экране видны были уже вполне разборчивые очертания подлодки.

– Эванс, мы тебя видим, – сказал Лакки в микрофон. – Ты можешь двигаться? Что с твоей посудиною?

Ответ пришел незамедлительно и был переполнен эмоциями:

– Да хранит тебя... Лакки! Я сделал все, что мог... Вы – в западне... точно так же, как и я!

И, словно подтверждая сказанное им, удар страшной силы потряс «Хильду», перевернул ее набок и остановил главный генератор корабля!

Глава девятая

Из бездны

Вспоминая впоследствии события этих часов, Бигмен видел их как бы сквозь перевернутую другим концом подзорную трубу: отдельные кошмарики беспорядочных событий.

После удара он отлетел к переборке. То, что показалось ему чуть ли не вечностью, длилось не более секунды. Бац – и он распростерт на полу и едва дышит.

Лакки, сумевший остаться за пультом, заорал:

– Главный генератор отключен!

Бигмен попытался подобраться к нему по вставшему торчком полу:

– Что стряслось?

– Нас подбили. Я еще не понял, насколько серьезно.

– Но свет горит.

– Знаю. Это аварийный генератор.

– А двигатель?

– Понятия не имею. Пытаюсь разобраться.

Двигатели хрипло прокашлялись и включились. Но раньше они гудели мягко и размеренно, а теперь дребезжали так, что у Бигмена немедленно заныли зубы. «Хильда» дернулась, как раненый зверь, и встала в нормальное положение. Моторы снова заглохли.

Приемник забулькал, и Бигмен напряг слух, чтобы разоб-
раться там хоть что-то.

– Старр! Лакки Старр. Это Эванс. Подтверди прием.

– Я слушаю, – ответил Лакки, подскочив к передатчику. –
Что с нами?

– Неважно, – донесся усталый голос. – Теперь это мо-
жет тебя не беспокоить. Им достаточно уже и того, что мы
останемся тут навечно. Зачем ты полез сюда? Предупреждал
же...

– Твой корабль разбит, Лу?

– Я торчу здесь уже часов двенадцать. Света нет, энергии
нет, только батарейки для радио, но и те иссякают. Очисти-
тели воздуха вышли из строя, так что и с этим дело дрянь.
Вот так, Лакки.

– Можешь оттуда выбраться?

– Как? Шлюз не работает. У меня есть скафандр, но если
я попытаюсь выйти наружу, то меня раздавит.

Бигмен понял, о чем речь, и содрогнулся. Дело в том, что
шлюзы в подводных кораблях устроены так, что пускают во-
ду в промежуточную камеру медленно, очень медленно. А
если просто открыть шлюз на дне океана, то – моментально
подставляешь себя под сотню тонн давления. Никакой, хоть
из стали, скафандр не поможет, его расплющит, как пустую
жестянку под колесами.

– Мы еще можем двигаться, – сказал Лакки. – Сейчас по-
дойду. Мы состыкуемся шлюзами, и я заберу тебя на «Хиль-

ду».

– Спасибо, только зачем? Если тронешься, по тебе опять шарахнут, да и какая разница: быстро подохнуть тут или медленно – на твоём корабле?

– Слушай, – рассердился Лакки. – Мы умрем в свой час, но ни секундой раньше. Помирать всякому придется, но сидеть сложа руки и дожидаться – слишком уж просто. Дуй в машинное отделение, – приказал он Бигмену, – и выясни, можно ли починить.

Находясь в машинном отделении и неловко орудуя с «горячим» микрореактором с помощью специальных дистанционных манипуляторов, по счастью, не вышедших из строя, Бигмен чувствовал, как корабль, цепляясь за дно, медленно тащится вперед. Двигатели дребезжали и выли. Затем раздался какой-то отдаленный грохот, которому срезонировал корпус «Хильды», казалось, в нескольких сотнях ярдов от корабля что-то взорвалось. Бигмен почувствовал, что корабль остановился, моторы лишь едва подрагивали. Похоже, корабли состыковались шлюзами – операция, требующая точности и опыта. А теперь из шлюзов откачивают воду – свет фонарей в машинном отделении потускнел, и на поврежденном генераторе зажглась лампочка «перегрузка». Теперь Эванс сможет перебраться к ним без всяких проблем.

Когда Бигмен, закончив свои дела, вернулся в рубку, то застал там уже обоих Советников. Лицо Эванса было блед-

ным и озабоченным. При появлении Бигмена на нем появилось нечто вроде улыбки.

– Продолжай, Лу, – сказал Лакки.

– Ну вот, – вздохнул Эванс. – Сначала это были просто предположения. Я изучил каждого из людей, вовлеченных в инциденты. Все, что между ними отыскивалось общего, состояло в том, что они – любители В-лягушек. Ну, на Венере к ним всякий неравнодушен, но у каждого из этих людей их было очень много, целые семейства. Но фактов было мало, и я не стал выдумывать теорию, а решил проэкспериментировать. Если бы я... В общем, я решил поймать лягушек с поличным. Вот так – чтобы стало ясно, когда им становится известным то, что знаю только я.

– И ты полез во все эти дрожжи? – хмыкнул Лакки.

– Ну да. Я должен был узнать нечто, о чем мало кто осведомлен, а то как я смогу убедиться, что лягушки получили информацию через меня? Данные по дрожжам были идеальными. Когда мне не удалось добраться до них легально, Я их просто украл. А потом притащил в управление лягушку, поставил рядом со своим столом и принялся читать документацию. Даже вслух некоторые места зачитал. Так что, когда через два дня произошел тот случай на заводе, сомнений у меня не осталось. Только...

– Что «только»? – не удержался от вопроса Лакки.

– Только я оказался не слишком ловок, вот что, – вздохнул Эванс. – Я допустил их в свой мозг, а выгнать оттуда не су-

мел. Люди из Совета явились за бумагами. Они меня знали, так что говорили со мной очень вежливо. Я с готовностью вернул бумаги и собрался все им объяснить. И не смог...

– То есть как не смог? Ты о чем?

– Не смог! Физически не смог, понимаешь? Ни слова о В-лягушках произнести не смог! Язык не поворачивался. Я даже чуть с собой не покончил, но удержался. Похоже, они не могут заставить сделать нечто такое, что идет наперекор моему характеру. Я решил, что если удеру с Венеры, то от них удастся отделаться. И я сделал единственное, что могло повлечь за собой мой отзыв: обвинил себя в коррупции и подписался Моррисом.

– Да, – мрачно кивнул Лакки, – досюда я все угадал.

– Как? – опешил Эванс.

– Да просто. Моррис изложил свою версию событий, едва мы оказались на Афродите. Закончил он, сказав, что подготовил отчет для Земли. Но не сказал, что послал его, – только подготовил. А сообщение было. Но кто еще, кроме вас с Моррисом, знает код связи и обстоятельства дела?

– Да... И вместо того чтобы отозвать меня, они послали тебя, – мрачно произнес Эванс. – Ну и дрянь же дело.

– Я сам настоял, Лу. Я просто не мог поверить обвинениям в твой адрес.

– И это самое глупое, что ты мог сделать, – Эванс уткнулся лицом в ладони. – Когда ты мне сообщил, что летишь сюда, я потребовал, чтобы ты не вмешивался. Не так ли? Но я не

мог рассказать тебе – почему. Физически не был способен. А по моему мозгу В-лягушки о тебе все узнали. Им известно, что ты за типчик. Встречу они тебе подготовили, не так ли?

– Да, подготовили... – пробормотал Лакки, – но у них не вышло...

– Зато теперь выйдет. Ничем, извини, не могу тебе помочь, Лакки. Да и себе. Когда они парализовали человека возле шлюза, я оказался неспособным подавить желание бежать прочь. Удрал в океан... А ты, конечно же, за мной следом. Я был наживкой, а ты жертвой. И я опять пытался отговорить тебя не приближаться, но не мог объяснить почему...

Он судорожно вздохнул.

– Теперь я уже могу говорить обо всем, – продолжал Эванс. – Они убрали блокировку. Наверное, на меня теперь незачем тратить силы, мы и так в ловушке и не слишком отличаемся от покойников.

– Что?! – взвился Бигмен, слушавший этот монолог со все возрастающим беспокойством. – Как это мы не отличаемся от жмуриков?

Эванс снова уткнулся лицом в ладони и ничего не ответил.

– Видишь ли, Бигмен, – задумчиво сказал Лакки, – нас накрыло гигантское оранжевое пятно, которое ради этого специально вылезло из океанских глубин.

– Как это так – накрыло? Корабль же большой!

– Увы. Диаметр его – две мили. Две мили в поперечнике.

Это оно почти разбило корабль в первый раз и чуть не добило, когда мы стыковались с Эвансом. Струйкой воды. Только мощность этой струйки побольше, чем у глубинной бомбы.

– Но как это случилось, что мы не заметили?

– Эванс думает, что нас взяли на это время под контроль.

Похоже, он прав. Кроме того, эта дрянь умеет уменьшать свое свечение, управляя фотоэлементами на коже. Оно, наверное, подняло край мантии, мы туда заплыли, оно ее опустило, и мы теперь тут, как птенчики под одеялом.

А если мы попытаемся выбраться или расчистить себе путь бластерами, – продолжил Лакки, – то пятно по нам стрельнет еще разок, да теперь-то уж вряд ли промахнется.

Наступило молчание.

– Но оно может промахнуться! – внезапно оживился Лакки. – Промахнулось же, когда мы приближались к твоему кораблю, Лу! Слушай, – обернулся он к Бигмену, – главный генератор в порядке?

Бигмен почти забыл про свои дела.

– Да, – опомнился он, – регулировка микрореактора не нарушена, так что все можно наладить, если я отыщу инструменты.

– Сколько времени это займет?

– Часа два.

– Вот и занимайся. А я пойду искупаюсь.

– Ты это о чем? – дернулся Эванс.

– Пойду разберусь с пятном, – и Лакки был уже в шлюзе,

предназначенном для выхода наружу в скафандрах, выясняя в порядке ли дверь и проверял баллоны и амуницию.

В крошечной мгле океана царило обманчивое спокойствие. Казалось, опасность миновала, но Лакки прекрасно сознавал, что прямо под ним – океанское дно, а со всех сторон – выгнутая, как перевернутая чашка гигантских размеров, – плоть монстра.

Двигатель, встроенный в скафандр, прокачивал сквозь себя воду, и Лакки медленно поднимался вверх, держа оружие в боевой готовности. Он не переставал изумляться изобретательности инженеров, придумавших всю его экипировку. Да и вообще, способности человека к изобретению нового получили колоссальное развитие, встретившись с необходимостью наладить жизнь на других планетах, среди их тяжелых и подчас опасных для жизни человека условий жизни.

Когда-то, давным-давно, блеском своего изобретательского гения европейцев потрясла заново заселенная Америка. Теперь нечто в этом роде происходило на Венере, Тут были роскошные города под куполами. Нигде, кроме как на Венере, не умели столь искусно вплетать силовые поля в сталь и в любой иной материал. Скафандр Лакки не смог бы противостоять тоннам давления ни секунды, если бы не сеть вплетенных в него мощных микрополей (хотя, надо отметить, скафандр не мог быть использован при резких перепадах давления). Но и во многих других отношениях его амуниция бы-

ла чудом инженерной мысли. Встроенный двигатель, эффективнейшая подача кислорода, компактное и удобное управление – все просто великолепно. А что сказать об оружии?!

Тут мысли Лакки переключились на монстра. Тоже ведь венерианское изобретение в своем роде. Изобретение, осуществленное эволюцией. Могут ли такие твари обитать на Земле? Не на суше, конечно. Там, в условиях земного притяжения, живое существо не способно выдержать более сорока тонн собственного веса. У гигантских бронтозавров мезозоя были ножищи, как древесные столбы, и то чудища большую часть времени были обречены отсиживаться в болотах, чтобы вода хоть немного облегчила их жизнь.

То есть вот и ответ: выталкивающая сила воды. В океанах могут жить существа любых размеров. На Земле есть киты, превосходящие размерами любых живших когда-либо динозавров. Но этот монстр, пятно, прикинул Лакки, весит где-то около двухсот миллионов тонн. Столько весят вместе взятые два миллиона китов. Лакки стало жутко. Да сколько же этой твари пришлось расти, чтобы достичь этого веса? Сто лет? Тысячу? Кто скажет?

Но такие габариты не проходят даром. Даже под водой. Чем существо больше, тем медленней его реакции. Нервным импульсам требуется время, чтобы достичь мозга.

Эванс подумал, что пятно не разбило «Хильду» очередным выбросом воды, потому что, лишив их возможности действовать, стало безразличным к их дальнейшей судьбе.

Да нет же! Произошло это, наверное, потому, что монстру требуется время на заполнение гигантских резервуаров водой! Время, время...

Да и то вряд ли монстр чувствует себя лучшим образом. Он привык жить в глубинах с шестью милями океана сверху. На мелководье его эффективность неминуемо должна уменьшаться. Если он промахнется во второй раз по «Хильде», то, наверное, не полностью оправился после первой попытки.

А теперь он выжидает. Вода постепенно наполняет резервуары, и, насколько это для него возможно возле поверхности океана, пятно собирается с силами. И он, Лакки, должен его остановить. 190 фунтов человеческой плоти против двух миллионов тонн чудовища!

Лакки огляделся и ничего не увидел. Нажал кнопку на внутренней стороне перчатки – и из облаченного в металл пальца выстрелила струна чисто-белого света. Она ушла вверх и исчезла во мгле. Коснулась ли она тела пятна или просто растворилась в темноте?

Водой монстр стрелял трижды. Один раз он разбил лодку Эванса, потом – повредил корабль Лакки (но последствия были не слишком тяжелыми – что же, существо постепенно слабеет?), третий его выстрел пришелся в никуда.

Лакки поднял свое оружие, похожее на ружье с толстой рукояткой, внутри которой находились несколько сот миль тончайшего провода и генератор высокого напряжения. На-

правив оружие вверх, он нажал на спуск.

Какое-то время не происходило ничего – но Лакки знал, что проводок с волос толщиной раскручивается и тянется вверх сквозь перенасыщенные углекислым газом воды океана...

Снаряд достиг цели, и результат не замедлил сказаться. Когда наконечник достигает цели, поток электрического тока со скоростью света бросается вперед и разбивает препятствие с силой удара молнии. Похожие на волоски провода ярко засветились и обратили окружающую их воду в кипящую пену. Вода не просто кипела от разогрева, но бурлила и невообразимо шипела – из-за большого количества углекислого газа, растворенного в ней.

И над этими пузырями и свечением проводов словно вспыхнуло небольшое солнце. Там, где снаряд коснулся плоти, образовался ослепительный шар взрыва, который прожег дыру футов в тридцать шириной и настолько же глубокую в живой горе, нависавшей над землянами.

Лакки мрачно улыбнулся. Конечно, учитывая размеры, эта рана чудовищу что-то вроде комариного укуса, но пятно его почувствует. Минут через десять, по крайней мере. Нервным импульсам требуется время, чтобы добраться до слабых мозгов существа, и тогда, возможно, пятно оставит в покое два беспомощных суденышка и кинется искать напавшее на него нечто. Вот и пускай убирается. Его самого, подумал Лакки, чудовище точно не найдет. Через десять минут

его тут уже не будет. Через десять минут он...

Закончить мысль не удалось. Не прошло и минуты после вспышки, а чудовище уже нанесло ответный удар!

Не прошло и минуты, и Лакки понял, что просчитался и теперь падает, рушится, летит вниз в вихревом, мчащемся со страшной скоростью потоке воды...

Глава десятая

Гора плоти

Удар потряс Лакки. Скафандр из обычного металла был бы раздавлен всмятку. Любой нормальный человек лишился бы чувств и, бездыханный, врезался бы в дно океана и умер.

Но только не Лакки! Он боролся отчаянно. Переборов тяжесть воды, сумел поднести к лицу левую руку, чтобы посмотреть на индикаторы, сообщавшие о состоянии скаффандра.

Лакки простонал, Приборы не показывали ничего, стали бесполезными игрушками. Впрочем, подача кислорода не нарушилась (это бы сразу почувствовали его легкие), и, похоже, сам скафандр не прохудился. Оставалось надеяться, что в порядке и двигатель.

Пытаться уйти в сторону и выбраться из основного потока воды не имело смысла, он понапрасну истратил бы все силы. Следует ждать и надеяться вот на что: по мере удаления от источника поток воды теряет скорость. Вода против воды – это действие сопряжено с сильным трением. На краях выброса усиливаются завихрения, которые поглощают скорость потока и суживают его площадь в поперечнике. Там, где струя вышла из существа, ее ширина могла быть футов пятьсот, а к моменту касания дна может уменьшиться и до

пятидесяти – в зависимости, конечно, от начальной скорости и расстояния.

При этом затормозится и сам поток, – но вовсе не обязательно, что до дна не достанет: Лакки помнил, с какой силой струя шарахнула по «Хильде».

Теперь все зависит от того, насколько он удален от оси потока и от его начала.

Чем дальше он будет выжидать, – тем более возрастет его шансы, если, конечно, он не переусердствует. Водрузив упакованную в металл скафандра руку на ручку управления двигателем, Лакки позволил потоку увлечь его все ниже и ниже, стараясь сохранять спокойствие и точно выбрать момент. Каждую секунду мог произойти удар, которого он даже не почувствует.

И, досчитав до десяти, он включил двигатель. Маленькие, высокооборотные пропеллеры на каждом из локтей задрожали, выкидывая воду под прямым углом к направлению падения. Лакки ощутил, что тело изменило угол падения. Если он находится на оси этого водопада, то ему не спастись. Энергии двигателя не хватит преодолеть мощь падающей воды. Но если он сбоку от оси, то скорость может постепенно затухнуть, и тогда он окажется среди бурунов по краям струи.

И это произошло – Лакки понял это по усилившейся тряске и бурлению вокруг его тела. Он понял, что спасен.

Он переключил двигатель, так что теперь его стало тянуть

вверх, и осветил прожекторчиком в пальце перчатки дно: да, он уже видел придонный ил где-то футах в пятидесяти под собой, без труда мог разглядеть хлам и мусор, скопившиеся на дне.

Секунда промедления – и конец!

Теперь он изо всех сил рвался вверх. Он отчаянно спешил, губы плотно сжались, глаза прикрыты.

Лучше всего теперь было не думать. Он слишком много передумал уже во время падения. Недооценил он противника. Думал, что целилось в него гигантское пятно, а это было не так. Это В-лягушки с поверхности океана контролировали тело монстра, и им не было нужды следить за мозгом пятна, чтобы узнать, что в того выстрелили. Нет, им хватало мозга Лакки и целиться надо было просто в источник его мыслей.

Так что не могло быть и речи, чтобы согнать монстра с места, причиняя ему мелкие неудобства. Пятно надо убить.

И незамедлительно!

Потому что «Хильда» не выдержит следующего удара водой, да и он сам – тем более. Приборы уже вышли из строя, дальше – очередь за управлением. Или повредятся баллоны с жидким кислородом. Или генераторы силового поля.

Лакки поднимался все выше, к единственному надежному месту. Хотя он и не знал, как выглядит сопло монстра, но следовало предполагать, что это должно быть нечто большое и гибкое – раз пятно могло управлять направлением удара

струи. Вряд ли к тому же монстр способен угодить в самого себя, так что изгибаться эта штука должна не слишком. А напор извергаемой жидкости не позволяет соплу быть слишком длинным.

Лакки следовало добраться до сопла по внутренней поверхности чудовища, пока тот не успел запастись водой до следующего удара, – там он его не достанет. Лакки направил луч прожекторчика кверху. Инстинктивно он старался свет не включать, боясь, что это делает его четкой мишенью. Но ум поправил инстинкт: монстр целился вовсе не по его фонарику.

Где-то в пятидесяти футах луч наткнулся на грубую, сероватую поверхность, испещренную глубокими морщинами. Лакки доплыл к ней и осторожно потрогал. Кожа монстра была резиновая на ощупь и очень плотная.

Впервые за долгое время Лакки мог отдышаться и прийти в себя. Впервые с момента, как он покинул корабль, он находился в относительной безопасности. Впрочем, отдых не затянулся. В любой момент чудовище могло возобновить военные действия (или не оно, а те маленькие умельцы управлять чужими мозгами) и разнести корабль вдребезги. Этого допустить нельзя.

Здесь, на внутренней поверхности пятна, повсюду были дыры, диаметром футов в шесть каждая, сквозь которые беспрерывно циркулировала вода. С небольшими интервалами действовали какие-то щели, примерно десятифутовые в дли-

ну, выбрасывающие сквозь себя пенистую воду.

Сей процесс, судя по всему, имел отношение к питанию монстра. Все, что оказывалось в воде, попавшей под его тушу, всасывалось вместе с водой внутрь, переваривалось и выкидывалось наружу; извергаемая из тела вода содержала в себе остатки пищи и естественные выделения.

Судя по всему, долго находиться на одном месте монстр не мог – иначе мог отравиться собственными продуктами распада, вряд ли питание ими могло пойти ему на пользу. Впрочем, вряд ли бы он выбрал для себя столь вредный образ жизни, когда бы его к этому не принудили В-лягушки.

Лакки внезапно дернулся, – не приложив к тому никаких усилий. Он удивился и повел светом вокруг себя. И тут с ужасом понял, наконец, назначение этих самых длинных складок, которые заметил на теле монстра. Одна из них находилась рядом с ним и теперь раскрылась и старательно пыталась его проглотить. Две ее створки резиново разошлись – таким образом, похоже, монстр втягивал в себя пищу, которая не пролезала в шестифутовые поры!

Лакки на это не согласился, не захотев испытывать скафандр на прочность. Скафандр-то, может, и выдержит, да вот может выйти из строя его оборудование.

Он развернулся так, чтобы двигатели отодвинули его от тела, и включил их. С коротким чмокающим звуком он выдрался из всасывающего поля и кубарем отлетел в сторону.

Больше трогать животное он не стал и поплыл вдоль тела

на некотором отдалении. Сверяясь с ощущением тяжести, он двигался вверх, к центру монстра.

Внезапно внутренняя поверхность монстра снова встала перед ним стеной. Этот нарост подрагивал и казался сделанным из более плотного мяса.

Сопло, никаких сомнений!

Ну конечно, именно оно. Гигантская каверна в сотни ярдов в поперечнике, откуда низвергались чудовищные массы воды. Лакки осторожно закрутился вокруг нее. Да, надежнее места не сыщешь, но все равно он кружил вокруг этой дырищи весьма осмотрительно.

Впрочем, сейчас ему было уже не до сопла, и Лакки продолжил свой путь наверх. Наконец он добрался до вершины этого мясного купола.

Сначала его поразило какое-то тяжелое, долго не затухающее уханье в недрах существа. Внимание привлекли именно вибрации, а не звук. Потом он пригляделся к телу: плоть корчилась и пульсировала. Гигантская масса отвисала футов на тридцать вниз и в поперечнике была такой же громадной, как сопло.

Да, это центр организма. Там внутри – сердце или что там у него вместо сердца. Лакки ощутил головокружение, попытавшись представить себе размеры этого механизма. Его удары должны происходить раз в пять минут, примерно за это время тысячи кубических ярдов крови (или что течет у него внутри?) прокачиваются по сосудам такого диаметра,

что внутри них могла бы свободно проплыть «Хильда». Это сердце умеет гнать кровь на расстояния свыше мили.

– Ох ты... – только и смог что вздохнуть Лакки, – Поймать бы такую штуковину живой да изучить ее анатомию!

Где-то там в этой выпуклости находится мозг существа. Мозг? Или не мозг, а точка сплетения нервных окончаний, без которой животное вполне жизнеспособно?

Пускай! Зато без сердца ему не прожить. Теперь оно как раз завершило очередной удар. Центральная опухоль почти рассосалась. Теперь оно отдохнет до следующего толчка, и минут через пять этот бугор снова станет распухать от поступающей в него крови.

Лакки поднял свое оружие и, освещая фонарем область, где располагалось сердце, стал опускаться ниже. Лучше бы отойти подальше, но и промахнуться нельзя.

На мгновение он ощутил раскаяние. С научной точки зрения, он совершал преступление – убить таинственное явление природы...

Но его ли это мысль? Или подсказанная ему В-лягушками с поверхности? Медлить было нельзя. Он нажал на спуск. Ушли вверх проводки, возник контакт, и глаза Лакки ослепила вспышка, которая прожгла дыру в плоти, охранявшей сердце монстра.

Некоторое время вода кипела, существо билось в агонии. Гигантская масса трепыхалась и исходила в чудовищ-

ной дрожи. Лакки был совершенно Вессилен делать что-либо.

Он попытался было вызвать «Хильду», но в ответ донеслись неразборчивые хрипы, и стало понятно, что и корабль точно так же мотает из стороны в сторону.

Но никуда не денешься, смерть одолевает жизнь, даже весящую сотни миллионов тонн. Постепенно вода успокоилась.

И Лакки отправился назад, медленно, очень медленно, полуживой от пережитого.

Снова вызвал «Хильду».

– Он мертв, – сообщил Лакки, – дайте мне пеленг, сейчас буду...

Лакки позволил Бигмену стянуть с себя скафандр и улыбнулся марсианину, с тревогой на него глядевшему.

– Уже и не думал, что снова тебя увижу, Лакки, – шмыгнул тот носом.

– Слушай, если ты собираешься распускать нюни, – поморщился Лакки, – то отвали в сторону. Не для того я вылез сухим из воды, чтобы меня насквозь промочили здесь. Да, кстати, что там с главным генератором?

– С ним все будет в порядке, – сообщил Эванс. – но требуется время. Эта последняя свистопляска свела на нет всю нашу работу.

– Хорошо, – кивнул Лакки, – с этим надо поторопиться.

Он утомленно опустил на стул.

– Дела хуже, чем я предполагал, – сказал он, помолчав.

– Чем? – спросил Эванс.

– Чем предполагал, – хмыкнул Лакки. – Я собирался отогнать его в сторону. Не вышло, и мне пришлось его пристрелить. Так что теперь этадохлая туша обмякла, как опустившаяся палатка, а мы по-прежнему под ней.

Глава одиннадцатая

Наверх?

– Ты хочешь сказать, что мы в ловушке? – в ужасе спросил Бигмен.

– Можно, конечно, сказать и так, – холодно процедил Лакки. – А можно и по-другому, что – в безопасности. В самом надежном месте на Венере. Кто с нами теперь может что сделать? Пусть доберется через эту гору мяса. А когда ты починишь генератор, мы пропорем ее насквозь. В общем, так. Бигмен идет заниматься генератором, а господа Советники пьют кофе и обсуждают насущные проблемы. Когда у нас еще выдастся такое спокойное времечко...

Лакки с удовольствием развалился в кресле: наконец-то ничего не надо делать, а только думать и говорить... Эванс же выглядел подавленным. Вокруг его небесно-голубых глаз собрались морщинки.

– Ты чем-то встревожен?

– Да. Я не понимаю, что нам делать.

– Я уже думал об этом, – Лакки почесал в затылке. – Все, что мы можем, – сообщить историю про лягушек кому-нибудь, кто находится вне их контроля.

– И кто же это, по-твоему?

– На Венере таких нет.

– Ты хочешь сказать, что под их контролем вся планета? – встрепенулся Эванс.

– Да нет же. Просто тут под их контролем может оказаться любой. Кроме того, учитывай, что их методы различны. – Лакки закинул руку за спинку вращающегося кресла и положил ногу на ногу. – В одном случае имеет место полный кратковременный контроль. Полный! Тогда человек делает то, что полностью противоречит его натуре, угрожает жизни окружающих, и ничего потом не помнит. Так это было с пилотами каботажного судна, когда мы подлетали к Венере.

– Ну, это не мой случай, – усмехнулся Эванс.

– Да, конечно. Поэтому-то Моррис ничего и не понял. Он не думал, что ты под их контролем, просто потому, что ты вел себя иначе. Это – их второй метод. Он более мягкий, жертва сохраняет сознание, поэтому – неспособна исполнить то, что идет вразрез с ее природой. Зато по времени воздействие более длительное, контроль сохраняется не часы, скажем, а дни. То есть, теряя в интенсивности, лягушки выигрывают во времени. Но есть и третий метод.

– Какой же?

– Очень мягкий. Такой мягкий, что жертва даже не подозревает, что находится под контролем, и в это время ее мозг полностью открыт и позволяет считывать любую информацию. Как в случае Лимана Тернера.

– Главного инженера Афродиты?

– Да. Не думал об этом? Тогда представь себе вчерашнего парня в шлюзе. Он сидел там, держался за эту проклятую ручку и угрожал целому городу, при этом так обезопасил себя со всех сторон, что туда комар носа просунуть не мог. Один только Бигмен его обдурил, продравшись сквозь вентиляцию. Не странно ли?

– А что здесь кажется тебе странным?

– Так ведь этот парень работал там только несколько месяцев! Да и то скорее клерком, чем инженером. Откуда ему знать обо всей этой защите помещения? Откуда он знал все о силовых установках?

– Да, конечно... – тихо согласился Эванс.

– И это совершенно не обеспокоило Тернера. Я с ним говорил об этом перед тем, как отплыть за тобой на «Хильде». Конечно, я не сказал ему, к чему все мои вопросы. Он сам рассказал мне о том, что парень – совершенно неопытен, но это противоречие несколько его не удивило. А у кого могла быть подобная информация? Только у главного инженера.

– Да. Ты прав.

– А теперь предположим, что Тернер находится под очень деликатным контролем. Информация могла быть взята из его мозга, после чего Тернера запрограммировали так, что вся ситуация не покажется ему странной. Понял, о чем я? И тогда Моррис...

– Что, и Моррис тоже? – перепугался Эванс.

– Возможно. Слишком уж он что-то убежден в том, что

вся заваруха – дело рук сирианцев, которые жить не могут без венерианских дрожжей. Что это, искреннее заблуждение или ему навязали это мнение? Он был готов подозревать даже тебя – и слишком поспешно, Лу. Советнику следует хорошенько подумать, прежде чем обрушиваться на коллегу.

– Но, Лакки! Кто же в безопасности?

– Никто из тех, кто на Венере, – Лакки повертел в пальцах пустую кофейную чашку. – Так кажется мне. Информацию надо передать куда-то дальше.

– А как?

– Хороший вопрос. Как? – Лакки задумался.

– Физически нам отсюда никуда не деться, – пробормотал Эванс. – «Хильда» может перемещаться только в океане. К полетам в атмосфере или в космосе она не пригодна. А если мы вернемся в Афродиту, то, вернее всего, не выберемся из города уже никогда.

– Похоже, ты прав, – кивнул Лакки. – Но зачем нам самим покидать Венеру? Нам достаточно передать сообщение.

– Если ты о судовом передатчике, то это отпадает. Он позволяет держать связь только на Венере, субэфирного канала там нет, так что до Земли ему не достать. Да и то, находясь здесь, сигнал вообще не может попасть за пределы океана. Частоты рассчитаны так, чтобы хорошо отражались от его поверхности, – это увеличивает радиус действия. Все равно, даже если бы смогли отправить сигнал в небо. Земли он бы не достиг.

– А, зачем на Землю? – удивился Лакки. – Между нами и Землей есть кое-что, что нам сгодится.

Сперва Эванс не понимал, о чем речь.

– А, ты о станциях, – сообразил он наконец.

– Ну. Вокруг Венеры кружат две станции. Земля от нас на расстоянии от тридцати до пятидесяти миллионов миль, а станции – в двух тысячах. К тому же там не может быть В-лягушек. Моррис сказал, что чистый кислород они не любят, так что воду специально насыщают углеводородом – вряд ли кто станет заниматься этим на станциях, там режим строгой экономии. И мы вполне можем использовать их ретрансляторы, чтобы передать сообщение Центральному Совету.

– Да, Лакки, – оживился Эванс. – Похоже, это выход. Не думаю, что они могут удерживать контроль на таком расстоянии. Две тысячи миль все же. – И тут же снова помрачнел, – Нет, не выйдет. Сигнал не пройдет сквозь поверхность океана.

– А мы поднимемся и передадим его оттуда.

– С поверхности?

– Конечно.

– Но там В-лягушки!

– Знаю.

– Они быстренько нас отключат.

– Думаешь? Но учти, до сих пор они имели дело лишь с теми, кто о них не знал и поэтому не мог сопротивляться. Большинство жертв вообще ничего не подозревало. В твоём

случае – ты сам пригласил их в свой мозг, говоря твоими словами, А о них знаю и внутрь к себе не пускал.

– Ты не сможешь... Говорю тебе, не сможешь. Ты не представляешь, что это такое...

– А что, есть другой выход?

Но, не дав ответить Эвансу, в рубке появился Бигмен.

– Все в порядке, – сообщил он. – За генератор я отвечаю.

Лакки кивнул и сел за пульт, а Эванс остался на прежнем месте, что-то нерешительно додумывая.

Двигатели снова шумели ровно и мощно. Их глухой слаженный гул казался песнью, корабль собирался перед прыжком.

«Хильда» двинулась вперед, рассекая бурлящую воду, которая скопилась под телом гигантского пятна, и быстро набирала скорость.

– А сколько у нас места для разгона? – осторожно спросил Бигмен.

– Примерно с полмили, – ответил Лакки.

– А если мы не проскочим? – насупился Бигмен. – Если застрянем в этой дряни, как топор в стволе дерева?

– Вытащим нос и попробуем еще раз, – ободрил его Лакки.

На мгновение воцарилась тишина, которую вдруг нарушил странный и тихий голос Эванса:

– Здесь, под этим монстром, чувствуешь себя, как в бло-

ке, – пробормотал он словно себе под нос. – В блоке, – повторил Эванс автоматически. – Так на Венере называются небольшие купола, врытые в дно. Что-то вроде бомбоубежищ на Земле. Их строят, чтобы укрываться, если вода проломит купол. Если, например, случится венеротрясение. Не знаю, используют ли их, но в шикарных домах они есть.

Лакки выслушал его, но промолчал. Двигатели набирали обороты.

– Держись! – крикнул Лакки.

Задрожал, казалось, каждый дюйм «Хильды», и резкое торможение вжало Лакки в приборную панель. Суставы пальцев Бигмена и Эванса побелели, руки дрожали, когда они вцепились в штурвал, чтобы помочь Лакки.

Корабль затормозил, но не остановился. Двигатели выли от перегрузки, и Лакки подумал о них с теплым чувством. «Хильда» потихоньку продиралась сквозь кожу, плоть, сухожилия гиганта, сквозь пустые кровеносные сосуды и бесполезные, похожие на кабели в два фута толщиной, нервы. Крепко сжав челюсти, Лакки неумолимо вел корабль вперед, невзирая на бешеное сопротивление.

И после долгих и мучительных минут сразу изменился звук двигателей, и почти с хлопком «Хильда» выскочила наружу из туши монстра и очутилась в открытом океане.

«Хильда» медленно поднималась вверх. Все трое молчали, вымотанные донельзя последним происшествием. Лакки задал курс автопилоту и откинулся в кресле, барабаня паль-

цами по колену. Даже неугомонный Бигмен тупо уставился в иллюминатор и молчал.

– Взгляни, Лакки, – все же не выдержал он. Лакки повернулся в его сторону. Примерно половину поля видимости в иллюминаторе занимал фосфоресцирующий свет мелких морских созданий, а в другой части виднелась какая-то гигантская, переливающаяся всеми цветами радуги стена.

– Как по-твоему, это пятно? – спросил Бигмен. – Но оно так не светилось, когда мы подплывали. Да и вообще, оно же сдохло, чего ему светиться?

– Да нет, пятно, конечно, – поразмыслил Лакки. – Просто сюда на поминки собрался весь океан.

Бигмен взглянул еще раз, и ему стало дурно. Конечно же! Тут валялись сотни миллионов тонн жратвы, а весь этот радужный свет принадлежал всевозможным мелким тварям, поедающим монстра.

Все, что мелькало в иллюминаторе, направлялось именно туда, в сторону гигантской туши, сквозь которую только что прорвалась «Хильда».

Среди тварей преобладали рыбы-стрелы всех размеров, У каждой на спине была белая светящаяся линия, словно бы нарисованная на ее позвоночнике (на самом деле не на позвоночнике, а на пучке не соединяющихся между собой прутиков из роговой субстанции). Голову твари помечала бледно-белая галочка, так что казалось, мимо иллюминатора проносятся тысячи живых стрел. Бигмен, пустив в ход во-

ображение, смог представить себе их вытянутые челюсти – мощные, зубастые.

– О Господи, – вздохнул Лакки.

– О Боже, – пробормотал Бигмен. – Океан опустеет. Все соберутся здесь.

– Ну, с той скоростью, с какой они умеют пожирать друг друга, с тушей они покончат часа за два, – прикинул Лакки.

– Лакки, мне надо с тобой поговорить, – вдруг раздался за его спиной голос Эванса.

– Да, – Лакки обернулся. – Что случилось, Лу?

– Ты спросил меня, нет ли других предложений, кроме подъема на поверхность.

– Ну да, А ты не ответил.

– Отвечу теперь. Я все обдумал и предлагаю вернуться в город.

– Зачем еще? – присвистнул Бигмен.

Но Лакки этого вопроса не задал. Едва только он взглянул на Эванса, как тут же понял, что допустил страшную ошибку, любуясь океанскими красотами и забыв о деле.

Потому что в сжатой ладони Эванса был бластер, и эта рука поднималась в сторону Бигмена и Лакки.

– Мы возвращаемся в город, – в глазах Эванса читалась решимость.

Глава двенадцатая

В город?

– А что стряслось, Лу? – Лакки старался сохранить само обладание.

– Останови машину, развернись и веди корабль в город, – потребовал Эванс. – Нет, Лакки, погоди. Не ты. Пусть ведет Бигмен, а ты встань рядом с ним, чтобы я видел вас обоих.

Бигмен, с поднятыми вверх руками, взглянул на Лакки. Тот по-прежнему казался невозмутимым и рук вверх не поднял.

– Послушай, Лу, – Лакки, казалось, не до конца поверил в происходящее. – Что тебя укусило?

– Меня – ничего. Речь о тебе. Посуди сам: ты вышел из корабля, убил монстра, вернулся назад и завел разговор о том, что надо подняться наверх. Зачем?

– Я же объяснил тебе.

– Ты сам не знаешь, что мелешь. Это не объяснения. Мне отлично известно, что, как только мы окажемся наверху, нас возьмут под контроль лягушки. Я, знаешь, с ними уже имел дело, так что со всей уверенностью утверждаю, что тебя они уже взяли под контроль.

– Кого?! – взорвался Бигмен. – Ты что, рехнулся?

– Погоди, Бигмен, – остановил Эванс, пристально глядя на

Лакки. – Посуди сам. Взгляни на дело спокойно. Конечно, он попал под их контроль. Знаешь, Бигмен, мне он тоже друг. Я знаю его куда дольше, чем ты, и, поверь, все это для меня крайне неприятно, но другого выхода нет.

Какое-то время Бигмен недоверчиво глядел на обоих Советников.

– Послушай, Лакки, – наконец не выдержал он. – Они что, в самом деле тобой управляют?

– Нет, – покачал головой Лакки.

– А какого еще ответа ты от него ждал? – рассмеялся Эванс. – Конечно, он под контролем. Чтобы убить монстра, ему пришлось подняться почти на поверхность. А там – лягушки. Убить пятно они ему позволили. Почему бы и нет? Зачем им возиться, управляя этой гигантской тушей, когда проще взять под контроль мозг Лакки? Вот он и вернулся, обуреваемый желанием оказаться на поверхности. А там мы окажемся в новой ловушке – единственные на свете люди, которым известна правда.

– Лакки? – простонал в полном отчаянии Бигмен.

– Ты запутался, Лу, – вновь попытался вразумить приятеля Лакки. – Это ты сейчас запрограммирован. Ты уже был под контролем, и лягушкам прекрасно известен твой мозг. Они могут входить в него, когда только захотят. Да, наверное, они его никогда и не покидали. Ты сам под контролем, Лу, под контролем.

– Извини, Лакки, – Эванс сжал в руке бластер, – но ты

ошибаешься. Ведите корабль в город.

– Но если ты не под контролем, – не сдавался Лакки, – если твой ум свободен, то ты должен выстрелить в меня, когда я попытаюсь поднять корабль вверх? Правда?

Эванс не отвечал.

– Ты будешь обязан это сделать, – продолжал Лакки. – Это твой долг перед Советом и всем человечеством. Зато, если под контролем находишься ты, то ты обязан заставить меня изменить курс, но убивать – не станешь. Просто потому, что убийство Советника и друга слишком уж идет наперекор твоей натуре. Не так ли? Так что, отдай мне бластер.

Он направился к приятелю, протягивая руку к оружию.

Бигмен застыл в ужасе.

– Стой, Лакки! – прохрипел Эванс. – Я... Я выстрелю!

– А я тебе говорю, что стрелять ты не станешь. Ты отдашь мне бластер.

Эванс отступил к стене.

– Я выстрелю, выстрелю! – его голос уже срывался на визг.

– Лакки, стой! – заорал Бигмен.

Но Лакки уже остановился сам и медленно отступал назад. Медленно, почти в отчаянии.

Потому что жизнь словно бы ушла из Эванса, и он стоял теперь, будто каменное изваяние, держа палец на спуске.

– Назад. В город, – голос Эванса был холодным и непреклонным.

Бигмен бросился к штурвалу.

– Он под гипнозом, да? – пробормотал он.

– Я боялся, что такое может произойти, – вздохнул Лакки. – Они перевели его под полный контроль, иначе он бы никогда не выстрелил. Теперь он ничего не сознает. Он ничего потом не вспомнит.

– А нас он слышит? – Бигмену вспомнились пилоты каботажного корабля с их полной безучастностью к происходящему.

– Не думаю, – ответил Лакки, – Но это ничего не значит. Он следит за курсом, и, если только мы изменим его, он немедленно выстрелит. Никаких сомнений.

– Тогда что нам делать?

– Назад. В город. Быстро, – автоматически откликнулся Эванс.

Лакки замер, глядя на бластер в руке друга, и затем шепнул несколько слов Бигмену.

Тот еле заметно кивнул, подтверждая, что все расслышал.

«Хильда» шла теперь назад точно тем же курсом, каким она покинула город. Советник Эванс стоял возле стены без кровинки в лице. Он словно окостенел, его бессмысленные глаза попеременно глядели то на Лакки, то на Бигмена, то – на курс. Его тело одеревенело настолько, что не испытывало даже желания переложить бластер в другую руку.

Лакки прислушался, пытаясь уловить сигнал радиомая-

ка Афродиты. Маяк посылал сигнал на определенной длине волны с верхней точки купола, так что с таким пеленгом возвращение в город оказывалось столь же простым делом, как если бы Афродита стояла в поле их видимости на расстоянии в сто футов.

По звуку в динамике, можно было судить, что «Хильда» легла на курс не совсем точно. Чуть-чуть неточно, и сигнал немного отличался от нормального. Но вряд ли Эванс, стоящий в отдалении, сможет уловить эту разницу. Лакки, по крайней мере, на это очень надеялся.

Лакки попытался проследить за взглядом Эванса, когда тот глядел в сторону пульта. Кажется, больше всего его интересует прибор, следящий за глубиной погружения. Это был большой циферблат, который показывал давление воды вне корабля. С того места, где стоял Эванс, можно было понять лишь то, что стрелка не двигается, то есть – «Хильда» не всплывает.

Лакки был уверен, что едва только стрелка прибора качнется, как Эванс выстрелит безо всякого промедления.

В голове Лакки лихорадочно крутились мысли, в происхождении которых он уже и сам был не вполне уверен – его ли или навязанные В-лягушками? Он никак не мог понять, почему Эванс их еще не пристрелил. В самом деле, им полагалось умереть уже под гигантским пятном, а теперь их все-то возвращают в город. Или Эванс их пристрелит, когда лягушкам, наконец, удастся заставить его это сделать?

Сигнал пеленга снова изменил тон – они еще более отклонились от курса. Лакки мельком взглянул на Эванса. Что такое? Ему показалось или в глазах невменяемого Советника мелькнула какая-то искорка?

Да, сомнений не оставалось; Эванс поднимал руку на уровень глаз и собирался выстрелить!

И в этот момент, когда все мышцы Лакки бессмысленно напряглись в предчувствии выстрела, «Хильду» потряс толчок! Эванс, застигнутый врасплох, рухнул на пол, и бластер выскользнул из его разжавшихся пальцев.

Лакки не терял ни мгновения. Тот же толчок, который опрокинул Эванса на спину, толкнул его вперед. Он кинулся на упавшего, схватил его за руки, не давая вырваться.

Но и Эванс не был слабаком. Он оплел свои ноги вокруг ног Лакки и попытался повалить его на пол. Он сражался с невероятным, нечеловеческим упорством, корабль снова покачнулся, Лакки рухнул вниз, и безумец оказался сверху.

Эванс выбросил вперед кулак, но Лакки сблокировал удар локтем. В свою очередь, коленями он обхватил Эванса и сжал их, как железными клещами. Эванс скорчился от боли, попытался вырваться, но Лакки извернулся и снова оказался сверху. Все было кончено, Эванс стал постепенно затихать.

– Я не знаю, Лу, ты меня слышишь или нет, – начал он, с трудом переводя дыхание, – но...

Сознание не возвращалось к Советнику. Последним отчаянным движением он сумел стряхнуть с себя Лакки.

Тот упал на пол и моментально вскочил на ноги.

Перехватил руку Эванса, заломил ее за спину и уложил противника на пол.

– Бигмен, – позвал Лакки, быстрым движением головы откидывая назад прядь волос.

– Да, – сказал тот, поигрывая бластером Эванса. – Я эту штуковину на всякий случай подобрал.

– Отлично. Убери его к черту и взгляни на Лу. Убедись, что с ним все в порядке, и свяжи.

Лакки сел к штурвалу и осторожно отвел «Хильду» от останков гигантского пятна, убитого им пару часов назад.

Блеф Лакки удался. Он надеялся на то, что В-лягушки с их предпочтением к чисто ментальным действиям не слишком осведомлены о реальных размерах монстра. Кроме того, они явно были дилетантами в навигации, так что не могли понять смысла действий Бигмена. А суть блефа состояла в том, что Лакки шепнул Бигмену, когда Эванс, угрожая бластером, заставил их вести корабль в город.

– Гребки к пятну, – сказал он тогда Бигмену.

«Хильда» снова изменила курс. Теперь она всплывала.

Эванс, привязанный к койке, пришел в себя и сконфуженно взглянул на Лакки.

– Извини...

– Не волнуйся, – мягко успокоил его Лакки. – Но мы не могли поступить иначе. Понимаешь?

– Конечно. Слушай, привязал бы ты меня покрепче, что ли. Отвратительно. Поверь, большую часть я не помню.

– Ты поспал бы лучше, – Лакки похлопал приятеля по плечу. – Если потребуется, мы разбудим тебя наверху. – Слушай, Бигмен, – сказал он чуть погодя. – Собери-ка все бластеры, какие отыщешь. И вообще – все оружие, какое есть на корабле. Осмотри все шкафы, тумбочки – словом, все.

– И что потом?

– И выкинешь все, что найдешь, к чертовой матери.

– Чего?

– Что слышал. Я могу попасть под контроль. Или ты. Мало ли. Незачем повторять пройденное. Пойми, против В-лягушек оружие такого рода бессмысленно.

В мусоропроводе оказались пара бластеров, электрические ружья с каждого из скафандров. Бигмен дернул рычаг, расположенный рядом с аптечкой, и оружие скользило в глубину.

– Теперь я чувствую себя совершенно голым, – грустно пробормотал Бигмен, глядя в иллюминатор, словно желая на прощание еще раз посмотреть на утраченные предметы. Но там в поле зрения проشمыгнул лишь смутный фосфоресцирующий отблеск – рыба-стрела. И все.

Стрелка указателя глубины перемещалась. Сначала они находились в двадцати восьми сотнях футов под поверхностью, теперь же до нее оставалось менее двадцати.

Бигмен продолжал глядеть в иллюминатор.

– Что там такое? – спросил Лакки. – Что ты уставился?
Кажется, становится светлее, – пробормотал Бигмен.

– Да ну, – хмыкнул Лакки. – Водоросли покрывают поверхность полностью. Когда мы начнем сквозь них продира-
ться, станет только темней.

– А мы не нарвемся на какой-нибудь траулер?

– Надеюсь, что нет.

До поверхности оставалось пятнадцать сотен футов. Что-
то Бигмена продолжало тревожить, и он сменил тему разго-
вора:

– Слушай, Лакки, а как так выходит, что в атмосфере тут
столько углекислого газа? То есть я вот о чем: растения же
должны перерабатывать его в кислород, разве нет?

– На Земле – да. Но насколько я помню курс ксенобота-
ники, на Венере они ведут себя иначе. Там – выкидывают
кислород в воздух. А здесь – накапливают в своих тканях. –
Лакки старался говорить как можно более безучастно, что-
бы только не задумываться. – Поэтому, наверное, никакая
венерианская живность и не дышит. Им незачем, весь необ-
ходимый кислород они получают с пищей.

– Откуда ты знаешь? – присвистнул изумленный Бигмен.

– А так выходит. Судя по всему, их пища содержит слиш-
ком много кислорода, а то бы они не набрасывались на весь
этот углеводород, вроде тавота. По крайней мере, у меня та-
кая теория.

До поверхности оставалось восемьсот футов.

– Да, кстати, – вспомнил Лакки, – Прекрасная навигация.

Я про то, как ты воткнул корабль в пятно.

– Ерунда, – покраснел от удовольствия Бигмен. Пятьсот футов до поверхности.

Возникли слабые поскрипывания, постепенно перерастающие в скрежет, двигатели начали давать сбои, продираясь сквозь плотный ковер водорослей, и наконец в иллюминаторе блеснул свет, и в верхней его части показалось облачное небо и лениво вздымающаяся поверхность тяжелой, тинистой воды, заполненной водорослями и листьями растений. По поверхности расходились круги.

– Дождик... – сказал Лакки. – А теперь нам не остается ничего иного, как ждать, когда к нам пожалуют В-лягушки.

– Да вот же они, – беспомощно всплеснул руками Бигмен. – Уже тут.

Да, чуть ниже уровня воды в иллюминаторе показалась В-лягушка. Она цепко обхватила длинными пальцами стебель водоросли и пристально глядела в стекло на них!

Глава тринадцатая

Сознания встретились

Струи Дождя размеренно барабанили по обшивке «Хильды». Бигмену, с его марсианским происхождением, чужими были и дождь, и океан, а вот Лакки вспомнился дом.

– Да ты взгляни на лягушку, Лакки, – настаивал Бигмен.
– Вижу я ее, – кивнул Лакки.

Бигмен протер обшлагом иллюминатор и приник к нему так, что расплющил нос. Потом решил, что лучше отойти подальше, отошел и, неизвестно почему, вдруг засунул в рот оба мизинца и растянул его чуть ли не до ушей. Высунул во всю длину язык, завращал глазами и принялся шевелить всеми свободными пальцами. Лягушка, однако, сохраняла полную невозмутимость. За все это время, кажется, и головой не пошевелила. Сидела себе под водой, чуть высовываясь наружу темечком, и спокойненько покачивалась на волнах. Казалось, ее несколько не беспокоят ни дождь, ни Бигмен.

Бигмен все продолжал делать из своего лица что-то ужасающее и, наконец, с диким воплем ринулся к иллюминатору, прямо на животное.

– Эй, ты что, сбрендил? – обернулся к нему Лакки.

Бигмен отпрыгнул назад, вытащил пальцы изо рта и вернул своему лицу человеческое выражение.

– Ха. Это я продемонстрировал ей, что о них всех думаю.

– Ну, – Лакки махнул рукой в сторону невозмутимой твари, – а она показывает тебе, что ты для нее значишь.

Бигмен опомнился и смутился. Лакки был явно недоволен. В самом деле, такой критический момент, а он, Бигмен, ведет себя как последний идиот.

– Извини, Лакки, – голос его дрожал. – Не знаю, что на меня наехало.

– Это они на тебя наехали, – жестко ответил Лакки. – Пойми ты это, наконец. В-лягушки чувствуют твои уязвимые места. И как только могут, тут же проникают в твой мозг. А если проникнут, то их оттуда уже не выкинешь. Поэтому глуши всякий импульс, пока не поймешь, откуда он взялся.

– Хорошо, Лакки, – пробормотал Бигмен.

– Ну, что дальше? – Лакки осмотрелся. Эванс спал, постанывая и тяжело дыша. Лакки задержал на нем взгляд и отвернулся.

– Лакки, – почти застенчиво окликнул его Бигмен.

– Ну?

– А ты что, не собираешься связаться с космической станцией?

Какое-то время Лакки смотрел на приятеля, ничего не соображая. Затем морщины на его лице стали медленно распрямляться.

– Боже... Бигмен! Я забыл! – выдохнул он. – Я и думать об этом позабыл!

Бигмен ткнул большим пальцем себе за спину, указывая в сторону лягушки.

– Думаешь, они?

– Они! Господи, их же тут тысячи!

Несмотря на охвативший его ужас, Бигмен сумел заметить, что обрадовался, обнаружив, что и Лакки тоже легко попал под воздействие тварей. Вот так-то... А то вечно на него пытаются свалить все подряд. В самом деле, какого черта Лакки... и осекся. Да что же это он?! Настраивает себя против Лакки? Нет, это не он. Они!

Он с усилием выдрал из своего ума все мысли и поглядел на приятеля, который, сидя за передатчиком, настраивал его на частоту станции.

И тут голова Бигмена дернулась от внезапного странного звука, возникшего невзведь где.

– Не занимайтесь вашей машиной, которая далеко передает слова, – сказал мягкий, без интонаций голос. – Мы этого не любим.

Бигмен обернулся к Лакки. Какое-то время он не мог совладать со своим раскрывшимся от удивления ртом.

– Слушай, – сказал он наконец, – это кто? Откуда?

– Спокойно, Бигмен, – посоветовал Лакки. – Все это внутри твоей башки.

– Но не лягушки же! – простонал тот в отчаянии.

– А кто же еще?

И Бигмен снова обернулся к иллюминатору и стал глядеть

в глаза лягушке, на мелкий дождик и на густые облака.

Однажды Лакки уже пришлось встретиться с чем-то подобным, когда ему довелось общаться с нематериальными созданиями, которые обитают в пещерах на Марсе. Но в тот раз отношения были приятными и в его ум существа входили деликатно, мягко и дружелюбно. Конечно, тогда он тоже ощущал свою беспомощность, но вовсе не переживал по этому поводу.

Совсем другое сейчас.

Внутри его мозга просто ломались – грубо и неумело. Лакки почувствовал отвращение и ненависть.

Его рука отодвинулась от передатчика, и на место он ее не вернул, снова позабыв про дела.

– Сделайте воздушные вибрации посредством вашего рта, – снова прозвучал голос.

– Вы хотите, чтобы я говорил? – удивился Лакки. – Вы что же, не умеете читать мысли?

– Умеем, но не очень четко. Пока мы не изучили ваш мозг полностью, это трудно. Когда есть голос, тогда все четко.

– А мы вас слышим очень даже ясно, – возразил Лакки.

– Да. Мы шлем наши мысли мощно. Вы так не можете.

– А когда я говорю, то все в порядке?

– Да.

– И что же вы от меня хотите?

– По твоим мыслям мы узнали об организации тебе по-

добных на другой планете под названием «Совет». Мы хотим знать о ней больше.

Лакки ощутил некое удовлетворение. На вопросы они, по крайней мере, отвечают. Конечно, кое-что прояснилось. Если бы он представлял только себя, его убили бы без разговоров. Но теперь противник понял, что они слишком приблизились к разгадке тайны, и это обеспокоило лягушек. Теперь их интересует, – узнают ли об этом остальные члены Совета и что это, вообще, такое.

Так что нет ничего странного, что противник не убрал их с помощью Эванса.

Но все дальнейшие мысли на эту тему Лакки пресек. Они, конечно, сказали, что читать мысли не умеют, а если врут?

– Что вы имеете против моего народа? – резко спросил он.

– Мы не можем говорить о том, чего нет, – в голосе по-прежнему не было никаких эмоций.

Лакки напрягся. Кажется, они прочитали его мысль о том, что лягушки врут? Следует быть очень осторожным, очень.

– Мы не очень хорошо думаем о вашем народе, – продолжал голос. – Ваш народ убивает. Он ест мясо. Это плохо – быть разумными и есть мясо. Кто ест мясо – должен убивать жизнь, а разумный едок мяса хуже глупого, потому что знает больше способов, как убить жизнь. У вас есть устройства, которые могут убить много жизней сразу.

– Но мы не убиваем В-лягушек.

– Убивали бы, если бы мы позволили. Вы убиваете даже

друг друга.

Последнее высказывание Лакки комментировать не стал.

– Чего вы хотите от нас?

– Вас на Венере слишком много. Вы занимаете слишком много места.

– Да не очень, – возразил Лакки. – Мы умеем строить города только на отмелях. Глубины всего океана всегда будут вашими, а это – девять десятых всего океана. И мы можем вам помочь. Если вы знаете ум, то мы знаем материю. Вы видели наши города и машины из сверкающего металла, которые могут отправляться к другим мирам сквозь океан, воздух и космос. Подумайте, чем мы можем быть вам полезны.

– Зачем нам это? Мы себе живем и мыслим. Не боимся и не ненавидим. Чего нам еще? Зачем нам ваши корабли, металл и города?

– То есть вы хотите нас всех убить?

– Нет. Мы не хотим убивать жизнь. Нам хватит, если мы будем управлять вашими умами и знать, что вы не принесете нам вреда.

Перед глазами Лакки ментально развернулась картина (сам ее себе представил или ему подсунули?) того, как на Венере возникает новая раса, людей, полностью отрезанных от Земли, каждое поколение которых становится все более и более бессловесными рабами лягушек.

– Мы не позволим нас контролировать, – он сумел выдавить из себя лишь фразу, в истинности которой вовсе не был

уже уверен.

– Это – единственный выход, и ты нам поможешь.

– Нет.

– У тебя нет выбора. Ты расскажешь нам о тех землях, за облаками, где находится твой Совет. Ты расскажешь нам обо всем, что поможет нам обороняться от вас.

– У вас нет способа заставить меня это сделать.

– Почему? Если ты откажешься дать нам сведения, мы опустим тебя на твоей машине вниз и заставим тебя открыть шлюз.

– Тогда я умру, – мрачно усмехнулся Лакки.

– Ничего не поделаться. Надо прекратить твою жизнь. Ты знаешь много, и нельзя, чтобы ты передал свои знания своим друзьям. Ты можешь подговорить их напасть на нас. Это плохо.

– Тогда я ничего не теряю, если не стану говорить.

– Теряешь. Если откажешься, мы войдем в твой ум силой. Это неэффективно, и что-то мы пропустим. Значит, нам придется исследовать твой мозг очень тщательно, И тебе будет больно. Для всех лучше, если ты согласишься сам.

– Нет. – Лакки покачал головой. Наступила пауза.

– Хотя ваш народ любит убивать жизнь, – продолжил голос, – он очень боится умирать сам. Мы освободим тебя от этого страха, если ты нам поможешь. И ты сам перестанешь бояться, когда мы опустим тебя на дно. А если ты откажешься, ты все равно окажешься там, но страх мы не уберем.

Только сделаем его сильней.

– Нет, – еще более настойчиво повторил Лакки.

Снова пауза, более долгая.

– Нам нужно, чтобы ты согласился добровольно, – продолжил голос, – не только, чтобы избавить тебя от боли. Если мы насильно получим от тебя сведения, они могут оказаться искаженными, и тогда, чтобы сохранить себя от людей с другой части неба, нам придется убить всех, кто живет под куполами. Мы пустим внутрь ваших городов океан, как уже чуть было не поступили с одним из них. Жизнь исчезнет, как потухший огонек, и никогда уже не возгорится снова.

– Ну так попробуйте, сладьте со мной! – расхохотался Лакки.

– С тобой?

– Да. Заставьте меня говорить. Заставьте меня утопить корабль. Заставьте сделать хоть что-то!

– Думаешь, не можем?

– Знаю, что не можете.

– Оглянись, и ты увидишь, что мы уже сделали. Один из твоих приятелей, тот, что связан, в наших руках. А другой – тоже.

Лакки вздрогнул. В самом деле, за все это время Бигмен не проронил ни слова. Более того, он не подавал признаков своего существования. Где он? Лакки обернулся – Бигмен, скорчившись, лежал на полу.

– Вы убили его? – Лакки в ужасе рухнул на колени возле

приятеля.

– Нет. Он жив. Мы даже не слишком сильно его отключили. Но теперь тебе не поможет никто. Они нам противостоять не смогли, не сможешь и ты.

– Нет, – побледнел Лакки. – Вы не заставите меня. Вы ничего не сможете меня заставить.

– Даем тебе последний шанс. Выбирай. Поможешь нам – умрешь радостно и мирно. Если нет – умрешь в скорби и стенаниях и за этим, возможно, последует гибель твоего народа в городах под океаном. Выбирай же!

Слова прозвучали и затухли в мозгу Лакки, и он готовился вступить в схватку с враждебным сознанием – один, без друзей, без помощи, – не зная, удастся ли выйти живым в этом поединке с чужой непреклонной волей.

Глава четырнадцатая

Битва сознаний

Как противостоять ментальной атаке? Без боя Лакки сдаваться не собирался, но что делать в этом случае? Тут нет явного врага, которого надо одолеть физически, и не видно способа, которым бы он мог ответить на насилие. Что остается? Только пытаться быть самим собой, и только самим собой, противодействуя любому импульсу действовать, пока не удостоверится, что действие не навязано извне.

Но как разобрать, что навязывается? Чего хочет он сам? Что теперь для него самое важное?

Но ничего не вспоминалось. Его ум был пуст. Да, несомненно, он собирался что-то сделать, что? Он оказался тут неспроста.

Тут, наверху?

Да, конечно. Сначала они были на глубине, а потом – всплыли.

Он на корабле. Корабль поднялся со дна океана, пыталась разобраться какая-то часть сознания Лакки. Теперь мы на поверхности. Неплохо, что дальше?

Зачем они тут? На глубине, кажется, было куда безопасней. Лакки изо всех сил пытался привести мозг в порядок. Закрыв глаза, вновь открыл. Мысли были такими тяжелыми,

толстыми, неповоротливыми... Надо кому-то сказать... кому?.. что?..

Надо передать.

Передать.

И тут он прорвался сквозь барьер! Ощущение было таким, словно другой Лакки, двойник, находящийся от первого за сотни миль, навалился плечом на какую-то дверь, и та с треском поддалась и распахнулась. Теперь он знал, что надо делать!

Конечно, передать сообщение на станцию!

– Вы меня не одолели, – произнес он хрипло. – Слышите? Я все вспомнил, поняли?

Ответа не было.

Он вдруг громко, непроизвольно, зевнул, проваливаясь в беспробудный сон. Казалось, его мозг вынужден теперь изо всех сил бороться с действием целой пригоршни успокоительных таблеток. «Не спи, не спи, – подумал он. – Встань и ходи, не давай мышцам застыть».

Да, но сейчас важнее было не дать застыть мозгу. Надо заставить бодрствовать ум. «Делай что-нибудь, делай, – отчаянно подбадривал он сам себя. – Только остановишься – и тебе конец».

Он все еще безостановочно зевал, но сквозь зевки стали пробиваться слова:

– Я это сделаю, сделаю...

Сделаю что? Смысл вновь стал ускользать от него.

Он вновь отчаянно повторил себе: «Рация, станция, передать сообщение», – но звуки этих слов казались совершенно бессмысленными.

Он встал и начал двигаться. Тело повиновалось нехотя, суставы одеревенели и заполнились клеем. Все же ему удалось повернуться. Радио. Он ясно видел его лишь мгновение, затем изображение заколебалось и исчезло в мареве. Лакки напряг мозг изо всех сил, заставил себя думать о радио, и сознание вернулось к нему. Он видел передатчик, кнопку переключения диапазонов и ручку настройки. И он вспомнил, как работает аппарат.

Сделал неверный шаг вперед и охнул, ощутив, как в его мозг впились сотни раскаленных гвоздей.

Он задрожал и рухнул на колени, затем, словно в агонии, снова встал на ноги.

Сквозь боль, застилавшую глаза, он еще видел это чертово радио, видел. Сделал шаг, и еще один.

Радио, казалось, находилось от него в сотне ярдов, нечеткое, словно в тумане. Тяжесть ударов в мозгу Лакки нарастала с каждым шагом.

Он попытался не обращать внимания на боль и помнить только о радио. Попытался заставить себя двигаться наперекор этому почти резиновому противодействию, которое оттаскивало его назад и валило на пол.

И вот, наконец, он протягивает руку, и его пальцы всего лишь на расстоянии пяти дюймов от рации сопротивлению

пришел конец. Как Лакки ни старался, он не мог приблизить их еще. Нет, не мог. Он не мог уже ничего.

«Хильда» являла собой сцену полного паралича. Эванс без сознания валялся на кровати, Бигмен скорчился на полу, Лакки, хотя и оставался на ногах, оцепенел, дрожали лишь кончики протянутых к радио пальцев.

– Ты бессилён, хотя и не потерял сознания, как твои коллеги, – вновь зазвучал в его ушах монотонный голос. – Ты вынужден терпеть эту боль, пока не согласишься рассказать нам все, что знаешь. Тогда ты погрузишь свой корабль и легко уйдешь из жизни. Мы подождём, мы терпеливые. Спротивляться ты нам не можешь. Не можешь ты нас ни задобрить, ни подкупить.

Сквозь свои невыразимые муки, Лакки вдруг ощутил, что его мозг способен на новое усилие. Задобрить? Подкупить? Задобрить?

Сквозь пелену тупого оцепенения словно мелькнула искорка.

Он отвернулся от передатчика, заставил себя не думать о нем, и боль тут же уменьшилась. Лакки сделал шаг назад – боль снова стала меньше. Отошел в другой угол.

Лакки старался теперь не думать вовсе и действовать чисто бессознательно, без малейшего плана. Они стараются не пустить его к передатчику. Отлично! Они не поняли другой, грозящей им опасности! Ничего, ничего... главное, чтобы

они не смогли прочесть в его уме то, что он собирается сделать... Все надо делать быстро. Они не должны успеть его остановить!

Не должны!

Он добрался до аптечки и распахнул дверцу. Света было маловато, и ему пришлось взглянуть в содержимое шкафчика.

– Ну, что ты решил? – снова прозвучал голос, и огненные пальцы боли снова полезли в мозг Советника, Лакки взял это в свои руки – невзрачную баночку из голубоватого пластика. Нащупал металлический бугорок – генератор слабенького поля, которое удерживало крышку банки, скovyрнул его ногтем. Уже словно в тумане, он понял, что крышка отошла и, кажется, падает на пол. Словно сквозь туман услышал звук ее падения. Теперь, хотя и с трудом, он понимал, что банка открыта, и, борясь с мучительным сопротивлением, стал двигать руку в сторону мусоропровода. Боль возобновилась.

Левая рука нажала на ручку, пасть мусоропровода открылась. Правая рука принялась подносить банку к шестидюймовому отверстию.

Рука двигалась, кажется, целую вечность. Глаза уже отказывались видеть что-либо, их застилал красный туман.

Лакки почувствовал, что банка наткнулась на стену.

Теперь ее надо было поднять выше, но рука не повиновалась. Пальцы левой руки отпустили крышку мусорника и тоже обхватили банку.

Банку выпускать нельзя. Если выпустит, то уже никогда в жизни не поднимет вновь!

Он держал ее в обеих руках и невероятными усилиями толкал вверх. Банка медленно поддавалась, но Лакки чувствовал, что все сильнее и сильнее проваливается в трясину полной бессознательности.

И банка, наконец, оказалась там!

Где-то, словно бы в миллионе миль отсюда, раздался хлопок сжатого воздуха, и Лакки понял – банка в теплых водах венерианского океана.

Какие-то мгновения боль все еще не оставляла его, но вдруг, одним скачком, исчезла напрочь.

Он осторожно выпрямился и отошел от стены. Лицо и все тело дрожали от перенапряжения, но мозг был свободен.

Лакки ринулся к передатчику, и никто уже не останавливал его...

Эванс сидел на стуле, упрятав лицо в ладони.

– Ничего не помню, – бормотал он одно и то же. – Ничего.

Бигмен, раздетый до пояса, обтирался мокрым полотенцем.

– А я помню, – заявил он с нетвердой улыбкой. – Все помню. Сначала я стоял и слушал, как ты, Лакки, болтаешь с голосом, а потом вдруг оказался на полу. Ничегошеньки не чувствовал, головы повернуть не мог, но слышал, что происходит. Слышал, что болтает голос и что ты ему отвечаешь. Я

видел, что ты включил передатчик...

Он перевел дыхание и потряс головой.

– Но мне это удалось не с первой попытки, – возразил Лакки.

– Не знаю. Ты исчез из моего поля видимости, и все, что я мог дальше, это валяться как чурбан и ждать дальнейших событий. Но не происходило ничего, так что я уже решил, что они одолели и тебя. Я уже себе представил, как мы тут валяемся живыми трупами. И пальцем пошевелить не мог, А потом ты опять показался перед моими глазами, я хотел орать и смеяться от радости, но по-прежнему мог только лежать как труп. Ты что-то делал возле стены. Не могу сказать что, но через несколько минут все прошло.

– И что, мы действительно возвращаемся в Афродиту? – утомленно спросил Эванс. – Я не ошибаюсь, Лакки?

– Да, мы идем обратно, – кивнул тот. – По крайней мере, если верить приборам, а они вроде в порядке. Но когда мы вернемся и выдастся свободная минута, придется пройти медицинский осмотр.

– Спать, – возразил Бигмен. – Никаких осмотров, сразу спать. Хочу проспать два дня без перерыва.

– И это тоже, – кивнул Лакки.

Но Эванс был напуган своим опытом куда больше, чем остальные. Он сутуло съежился в кресле и вцепился в подлокотники.

– А что, они больше не связываются с нами? – спросил он

с легким ударением на слове «они».

– Не могу гарантировать, – ответил Лакки. – Но похоже, худшее уже позади. Я связался со станцией.

– Точно?

– Ну да. Они даже соединили меня с Землей, и я переговорил с Конвеем. Эта часть дела позади.

– Тогда все в порядке! – радостно воскликнул Бигмен. – Земля предупреждена о В-лягушках!

Лакки улыбнулся, но комментировать слова Бигмена не стал.

– Но ты расскажи, наконец, – почесал в затылке Бигмен, – что произошло? Как тебе удалось их победить?

– Очень просто, – поморщился Лакки. – Все это можно было сообразить раньше и избавиться от ненужных переживаний. Голос сказал, что все, что им нужно от жизни, – это жить спокойно и думать. Помнишь, Бигмен? А потом добавил, что задобрить их нельзя. И только тогда я вспомнил одну простую вещь, которую мы с тобой прекрасно знали.

– Мы знали? – потерянно переспросил Бигмен.

– Конечно. Ты уже через две минуты после первой встречи с В-лягушкой понял, что жизнь и мысли – вовсе не все, что им требуется, далеко не все. Помнишь, когда мы всплывали, я сказал тебе, что венерианские растения накапливают кислород в своих тканях, так что животным на Венере нет нужды им дышать? И еще я сказал, что они, верно, получают его слишком много, и поэтому им так по душе вещества с

большим содержанием углеводорода? Как тавот. Помнишь?

– Ну, – глаза Бигмена расширились.

– То есть он для них, что сласти для детей.

– Ну, – еще раз кивнул Бигмен.

– Теперь дальше. В-лягушки держат нас под контролем, но для этого им надо сконцентрироваться. То есть необходимо отвлечь их внимание, не так ли? По крайней мере тех, кто ближе к кораблю, их воздействие на нас сильнее. Поэтому я сделал одну простую вещь.

– Какую? Да не темни же ты, наконец!

– Я выкинул наружу открытую банку с вазелином. В аптечке нашел. Это чистый углеводород, там его куда больше, чем в тавоте. Против такого они устоять не могли, все ринулись к банке. А те, что дальше, которые находились с ними в телепатическом контакте, – стали думать об углеводороде. Они выпустили нас из-под контроля, и я смог связаться с Землей. Вот и все.

– Так что же, – вскинулся Эванс, – мы с ними покончили?

– Не знаю, – покачал головой Лакки. – Тут имеются еще некоторые обстоятельства...

И отвернулся, нахмурившись, будто понял, что сболтнул лишнее.

Приближался город. Купол сиял, как сказочный, и сердце Бигмена затрепетало от этого зрелища. Пока они плыли, Бигмен успел поесть и немного выспаться, так что снова был полон энергии. Лу Эванс тоже заметно пришел в себя после

пережитого. Один только Лакки оставался озабоченным.

– Слушай, Лакки, – обратился к нему Бигмен. – Ты же видишь, эти твари совершенно деморализованы. Мы проплыли по океану сотни миль, и они нас не тронули. Разве не так?

– Знаешь, Бигмен, – поморщился Лакки, – сейчас меня куда больше интересует, почему нам не отвечает купол.

– Да, – хмуро кивнул Эванс, – Так тянуть они не должны.

– Вы думаете, – Бигмен обеспокоенно взглянул на обоих Советников, – там что-то не в порядке?

Лакки махнул в его сторону рукой, чтобы тот заткнулся. В приемнике зазвучал чей-то быстрый и низкий голос.

– Идентификацию, будьте любезны.

– Корабль Совета Науки, – ответил Лакки. – Подлодка «Хильда», вышла из Афродиты, возвращается в Афродиту. Лакки Старр за штурвалом и возле микрофона.

– Вам придется обождать.

– Почему, прошу прощения?

– Сейчас заняты все шлюзы.

– Это невозможно, Лакки, – нахмурился Эванс.

– Что, ни одного свободного? – переспросил Лакки. – Дайте координаты шлюза и его пеленг!

– Вам придется обождать.

Связь расторгнута не была, но человек на том конце замолчал.

– Слушай, свяжись с Моррисом! – вставил слово Бигмен. – Он им покажет кузькину мать!

– Моррис считает, что я – изменник, – осторожно сказал Эванс. – Не подумает ли он, что ты присоединился ко мне, Лакки?

– Если и так, то в его интересах, чтобы мы оказались в городе, – возразил Лакки. – Нет, похоже, что тот, с кем мы говорили, находится под контролем.

– И не хочет нас впускать? Ты серьезно? – удивился Эванс.

– Вполне.

– Нет способа нас остановить, если, конечно, не... – Эванс побледнел и в два прыжка оказался возле иллюминатора. – Ты прав, Лакки! Они наводят на нас стационарный бластер! Сейчас от нас и пепла не останется!

Бигмен очутился рядом с Эвансом. Да, никакой ошибки. Секция купола отходила в сторону, и там, сколь ирреальным это ни казалось, сквозь толщу воды, показалась приземистая труба.

Бигмен видел, как ствол опускается все ниже и ниже. «Хильда» не вооружена. Да и то набрать скорость и уйти от выстрела она уже не могла, не было времени. Казалось, смерть неизбежна!

Глава пятнадцатая

Враг?

Но едва только желудок Бигмена успел сжаться от ужаса, раздался невозмутимейший голос Лакки, настойчиво повторявшего в микрофон:

– Подводная лодка везет в Афродиту керосин... Подлодка «Хильда» возвращается с грузом керосина... В Афродиту прибывает «Хильда» с грузом керосина... В Афродиту прибывает «Хильда», везущая керосин... «Хильда»...

Приемник зашумел и ответил:

– Дежурный по шлюзу Клемент Гербер слушает, – его голос был встревожен, – что случилось? Клемент Гербер...

Лакки вздохнул, переводя дух, и лишь этим выдал свое напряжение.

– Подлодка «Хильда» запрашивает вход в Афродиту, – повторил он. – Назначьте шлюз.

– Используйте пятнадцатый. Даю пеленг. У нас тут, похоже, какая-то белиберда...

– А теперь, – сказал Лакки Эвансу, вставая с места – давай веди поскорее лодку в город.

Он кивнул Бигмену и вышел с ним в другое помещение.

– Как это, как... – бормотал, будучи не в силах остановиться, Бигмен.

Лакки вздохнул и пустился в объяснения.

– Я подумал, что В-лягушки постараются не пустить нас в город, поэтому о керосине я подумал заранее. Но я вовсе не предполагал, что они затеют наводить на нас пушку. Это уже бандитизм просто какой-то. Я стал сомневаться даже, что керосин поможет.

– Но как он может помочь?

– Тот же самый углеводород. Я им объяснял это мысленно. Они клюнули и оставили людей на контроле в покое.

– А откуда им знать, что такое керосин?

– Говорю же тебе, объяснил им мысленно. Представлял эту штуку в уме изо всех сил. Но хватит об этом, – голос Лакки стих до шепота. – Если они готовы утопить нас в океане, если они решили расстрелять нас тут, значит, – они в полном отчаянии. То есть – мы среди постоянной опасности. С этим пора кончать, и нам следует вести себя исключительно точно. Любая ошибка с нашей стороны будет непоправимой.

Лакки достал ручку и торопливо написал на листке несколько слов.

– Вот что ты сделаешь, когда я подам тебе знак, – сказал он, протягивая листок Бигмену.

– Но, Лакки, – глаза Бигмена округлились.

– Тссс! Ни слова вслух!

– Но ты уверен?

– Надеюсь, что да, – по лицу Лакки скользнула тень озабоченности. – Земля знает о В-лягушках все, с человечеством

им не сладить, но на Венере они вполне способны наломать дров, Мы должны им помешать. Ты понял, что должен делать?

– Да.

– Тогда... – Лакки смял листок, скатал в шарик и сунул его себе в карман.

– Мы в шлюзе! – крикнул Эванс. – Через пять минут будем в городе.

– Вот и отлично, – кивнул Лакки. – Соедини-ка меня с Моррисом.

Они сидели в комнате венерианского Совета. В той самой комнате, вспомнил Бигмен, где он впервые увидел Лу Эванса. И кстати, В-лягушку. Бигмена передернуло: здесь эти твари впервые бессовестным образом влезли в его мозг.

Комната выглядела как прежде, за одним исключением. Исчезли аквариум с лягушкой и тарелка с кормом для нее, столы были пусты.

Моррис указал на это, едва они вошли в комнату. Его пухлые щеки обвисли и позеленели, под глазами появились круги. Рукопожатие было неуверенным. Бигмен тщательно установил на столе то, что принес специально сюда.

– Вазелин, – торжественно сообщил он собравшимся.

Лу Эванс сел, его примеру последовал и Лакки, один Моррис продолжал расхаживать взад-вперед.

– Я убрал всех лягушек из этого здания, – сказал он. – Но

это все, что я мог сделать. Не мог же я потребовать от горожан, чтобы они расстались со своими любимицами. Да еще – безо всяких на то объяснений. А что я им могу объяснить?

– Ну, этого вполне достаточно, – примирительно сказал Лакки. – Только давайте во время беседы постоянно смотреть на эту баночку. Постоянно помните о ней, держите ее образ в своих мыслях.

– Вы считаете, это поможет? – Моррис выглядел недоверчивым.

– Думаю, поможет.

Моррис остановился перед Лакки.

– Послушайте, – начал он неожиданно резко. – Послушайте, Старр, я не могу поверить в ваши рассказы. В-лягушки живут в городе уже давно. Они здесь чуть не с самого начала его строительства.

– Но вы не забываете, что... – начал Лакки.

– Что я нахожусь под их влиянием? – возмущенно перебил его Моррис. – Это не так. Я отрицаю.

– Не обижайтесь, Моррис, – мягко усовестил его Лакки. – Лу был под их контролем несколько дней, были под ним и Бигмен, и я сам. Поэтому, увы, есть все основания утверждать, что и вы не избежали общей участи.

– Чему нет доказательств, ну ладно... – раздражение Морриса не проходило. – Хорошо, пускай вы правы. Что дальше? Как с ними бороться? Что, забросать Венеру с воздуха бомбами? А они в отместку заставят нас открыть все шлюзы.

Вы поймите, восемьсот миллионов кубических метров океана... они всегда найдут себе укрытие, а размножаются они с любой необходимой им скоростью. Да, вы передали сообщение на Землю, это очень хорошо, но наши-то проблемы никуда не делись!

– Именно, – кивнул Лакки. – Но дело в том, что я не сообщил на Землю всего. Я не мог себе это позволить, хотя, мне кажется, я и докопался до истины. Я...

Прозвучал сигнал интеркома.

– Кто там? – осведомился Моррис.

– Лиман Тернер, ему назначена встреча, – донесся ответ.

– Секундочку, – венерианец повернулся к Лакки и тихо спросил: – Вы уверены, что он нам нужен?

– Но вы назначили ему встречу, чтобы обсудить проблемы усиления безопасности города. Речь идет о постройке новых защитных барьеров, не так ли?

– Да, но...

– И сам Тернер тоже жертва. Сейчас вы это поймете. Он из тех высокопоставленных лиц города, которые также попали в эту переделку. Мне кажется, с ним будет невредно поговорить.

– Пусть войдет, – ответил Моррис в интерком.

Едва Тернер вошел, как лицо его выразило крайнее изумление. К тому же внезапно наступившая в комнате тишина и разом обратившиеся к нему взгляды присутствующих заставили бы ощутить себя неуютно и менее чувствительного

человека.

– Что случилось, господа? – нервно осведомился он, ставя свой ящик с компьютером на пол.

Не спеша, осторожно, Лакки ввел его в курс событий.

– Позвольте... – Тернер растерянно приоткрыл рот. – Вы полагаете, что мой мозг...

– А как иначе они смогли бы сообщить тому парню возле шлюза все сведения об устройстве защиты? Он же не слишком опытен и не очень образован, а забаррикадировался так, будто всю эту электронную защиту создавал сам?

– Я не подумал об этом, – голос Тернера задрожал и превратился в почти неразборчивое бормотание. – Я не думал, странно... Как я мог не подумать об этом?

– Они захотели, чтобы вы об этом не думали, – пояснил Лакки.

– Я... я просто в шоке...

– Да ну что вы. Вы попали в неплохую компанию. Я, доктор Моррис, Советник Эванс...

– И что нам теперь делать?

– Именно это доктор Моррис и пытался выяснить перед самым вашим приходом, – кивнул Лакки. – Дело серьезное, и нам надо объединить все наши умы. Одна из причин, по которой вы здесь, заключается в том, что нам может оказаться полезен ваш компьютер.

– О, надеюсь, он будет полезен... – он приложил руку ко лбу, словно опасаясь, что на плечах уже не его, а чья-то чу-

жая голова.

– А что, сейчас мы тоже? – осведомился он с опаской чуть погодя.

– Нет-нет, – успокоил его Лакки. – Пока мы концентрируем наши мысли на баночке с вазелином, то все в порядке.

– Ничего не понимаю. Причем тут вазелин?

– Долго объяснять. Помогает, не задумывайтесь об этом, – отмахнулся Лакки. – Сейчас я хочу рассказать вам, о чем шла у нас речь перед самым вашим появлением.

Бигмен, заскучав от повторения пройденного, вместе со стулом откинулся назад и оперся спинкой о стол, на котором раньше стоял аквариум. Слушал вполуха, зато старательно глядел на банку с вазелином.

– Итак, – продолжил Лакки, – уверены ли вы в том, что нашими врагами являются именно В-лягушки?

– Позвольте, – изумился Эванс, – но это же твоя теория?!

– Или лягушки являются только средством, позволяющим управлять сознанием людей? Да, они умеют это делать, но по своей ли инициативе они это делают? Вместе взятые, они оказываются коварным противником землян, а по отдельности – каждая из них мила и дружелюбна.

– И что же?

– Вспомним то создание, которое жило в этой комнате, оно управляло нами вполне мило. Передало свое изумление оттого, что увидело безусых людей, затем устроило так, что Бигмен угостил ее горошком в соусе. Что в этом дурного?

Вполне интеллигентные манеры. И оно повело себя так сразу, не раздумывая.

– А может, не все В-лягушки такие добродушные? – пожал плечами Моррис.

– Думаю, дело не в этом. Мы оказались близкими к полной беспомощности во время их атаки на поверхности океана. Впрочем, я успел сообразить одну вещь и выкинул в океан банку с вазелином. Это их отвлекло. Но, господа, не странно ли? Они почти добиваются успеха в борьбе с нами, не дают мне связаться с Землей и сообщить о них. И немедленно бросают все ради какой-то прихоти. И снова они собираются уничтожить нас при входе в Афродиту, уже наводится пушка, а одно упоминание о керосине тут же меняет дело.

– А я наконец понял, причем тут вазелин и керосин, – кивнул Тернер, – да, всем известно, как они падки на такие вещества. Это для них какое-то невыносимое искушение.

– Не слишком ли невыносимое для существ, достаточно разумных для того, чтобы на равных бороться с землянами? Вы можете себе представить человека, который, скажем, отдаст плоды жизненно важной победы за ириску?

– Конечно, не могу. Но из этого не следует, что В-лягушки не могут поступить так.

– Согласен, не доказывает. У них другой ум, и мы не можем знать, как он работает. Но все же их отношение к углеводороду меня потрясает. Кажется, сравнивать их нужно не с людьми, а с собаками.

– Как? – опешил Моррис.

– Рассудите сами, – предложил Лакки. – Собаку можно натаскать на массу разных штучек. И создание, которое в жизни не имело дело с собаками, ничего не поймет, скажем, если увидит на перекрестке слепого и собаку-поводыря. Решит, что оба в равной степени разумны. Но если мимо собаки пройдет кто-нибудь с хорошей мозговой косточкой, то разница станет очевидной.

– То есть вы предполагаете, что В-лягушек как средство использует некое разумное существо? – глаза Тернера полезли из орбит.

– А разве это не выглядит здраво, Тернер? Как сказал доктор Моррис, лягушки живут в городе уже очень давно, а происшествия стали возникать лишь в последнее время. Сначала – пустяки. Кто-то швыряется на улице деньгами. Будто бы некто выясняет, как можно использовать возможности лягушек для влияния на людей. Он словно изучал их природу и способности, выясняя, что они могут, а что нет, тренировался сам и, наконец, приступил к серьезному делу. Конечно, дрожи как таковые его вовсе не интересуют, его интересует вещь посерьезнее – как установить господство над Солнечной системой, например. Или вообще над всей Галактикой.

– Ну, это уж слишком, – вздохнул Моррис.

– Тогда я расскажу вам еще одну смешную историю. Когда мы были в океане, с нами говорили мысленно. И этот голос старался заставить нас передать ему информацию и смиренно

наложить на себя руки.

– И что?

– Этот голос, сомнений нет, приходил к нам с помощью В-лягушек, но и только. Саму речь сочинял человек.

Лу Эванс вздрогнул, выпрямился и уставился на Лакки.

– Видите, даже Лу не верит, – рассмеялся Лакки. – Но это так. Тот голос использовал странные оборотцы: «сделайте воздушные вибрации посредством вашего рта», еще что-то в этом роде. То есть оставалось предположить, что лягушки не слишком знакомы с нашими словами и терминами, и голос старательно вбивал это в нас с помощью странных оборотов речи. Но в конце он забылся. Вот что он сказал, я помню: «Жизнь исчезнет, как потухший огонек, и никогда уже не возгорится снова».

– Ну и что? – привычно задал свой обычный вопрос Моррис.

– Что?! Советники, вы не понимаете?! Откуда В-лягушкам знать такие слова, как «задуть огонек» или «жизнь не возгорится»? Голос прикидывался лягушачьим, так откуда ему знать об огне?

Собравшиеся уже все поняли, но Лакки не мог остановиться.

– Атмосфера Венеры состоит из азота и углекислого газа. Кислорода в ней нет, нам это известно. В этой атмосфере гореть ни черта не может! Никаких огоньков. Миллионы лет ни одна лягушка не видела огня, и никому из них не по-

нять, что это такое. И если даже кто-то из них видел огонь под куполом, то понять его природу они не в состоянии, как не могут понять устройство наших кораблей. Я слышал не лягушек, а голос человека, использовавшего их, чтобы подключиться к моему мозгу.

– Но как это возможно? – удивился Тернер.

– Не знаю, – помотал головой Лакки, – Хотел бы узнать. Несомненно, этот парень великолепно соображает. Он должен прекрасно разбираться в нервной системе и во всех электрических феноменах, с него связанных. – Лакки холодно взглянул на Морриса, – это может быть человек, например, специализирующийся в биофизике.

И взгляды всех присутствующих обернулись к Моррису – смертельно побледневшему, растерянному, усы которого, казалось, встали торчком.

Глава шестнадцатая

Враг!

– Вы обвиняете меня... – только и смог прохрипеть Моррис.

– Это не окончательный вывод, – вкрадчиво заявил Лакки, – лишь предположение.

Моррис беспомощно огляделся по сторонам, стараясь взглянуть в глаза каждого из сидящих. Ответные взгляды были холодны и бесстрастны.

– Это безумие, полный бред, – залопотал он, – Я же был первый, кто подал сообщение об этом... этих недоразумениях на Венере. Найдите его в Центральном Совете, там стоит мое имя. Стал бы я сообщать в Совет, если бы... С какой целью? Да, вот именно, с какой целью?!

Эванс заерзал на стуле. По тому взгляду, который он бросил в сторону Лакки, Бигмен понял, что разбирательства со своими в присутствии посторонних кажутся Эвансу неприемлемыми.

– Но это, по крайней мере, объясняет попытки доктора Морриса скомпрометировать меня, – все же не остался в стороне Эванс. – Ведь я прибыл со стороны и мог докопаться до истины. И половину, по крайней мере, я раскопал.

– Отрицаю, что делал это, – сказал, тяжело дыша, Мор-

рис. – Все это – сговор против меня, и вы еще горько пожалуете об этом. Я добьюсь правосудия.

– Вы имеете в виду – Суда Совета? – осторожно поинтересовался Лакки. – То есть вы хотите, чтобы ваше дело было рассмотрено на собрании Центрального Совета?

То, о чем упомянул Лакки, представляло собой процедуру, предусмотренную для случаев, когда против Советника выдвигается обвинение в измене Совету и Солнечной Конфедерации. В истории Совета подобных прецедентов еще не было.

При упоминании об этом Моррис, и так уже утративший контроль над собой, обезумел окончательно. Рыча, он вскочил с места и слепо ринулся на Лакки. Тот ловко увернулся, перепрыгнув через подлокотник кресла, и, по ходу дела, успел подать знак Бигмену.

Именно этого дожидался Бигмен. Теперь он исполнит инструкции, данные ему на борту «Хильды» неподалеку от Афродиты.

Его бластер выстрелил, и ионизирующее излучение наполнило помещение запахом озона.

На мгновение все замерли. Моррис, прижатый к полу стулом, не делал попыток выбраться наверх. Бигмен застыл с бластером в вытянутой руке, как небольшая статуя, словно, нажав на курок, он себя немедленно заморозил.

Цель была поражена и теперь являла собой груды обломков.

– Да как же это... – только и сумел сказать первый, к кому вернулась речь, Лу Эванс.

– Что вы натворили? – прошептал Лиман Тернер. Моррис тяжело дышал после своей вспышки и говорить не мог.

– Отличный выстрел, Бигмен, – похвалил Лакки. Бигмен улыбнулся до ушей и театрально продул ствол бластера.

На полу превращенный в кучку осколков лежал компьютер Тернера.

– Мой компьютер! – кричал Тернер все громче. – Идиот! Что ты натворил!

– Только то, что я попросил его сделать, – вежливо заметил Лакки. – Теперь все будет тихо и спокойно.

Он повернулся к Моррису, помог толстячку подняться на ноги и сказал:

– Тысяча извинений, доктор Моррис, но я должен был увериться в том, что внимание Тернера будет отвлечено. Извините, что пришлось вас использовать таким образом.

– Вы хотите сказать, – начал Моррис, – что не подозреваете меня в...

– Ни секунды не подозревал, – уверил его Лакки.

– Тогда объясните мне, в чем, собственно, дело! – Моррис отступил в сторону, вконец разозлившись.

– Дело в том, что до нашей встречи сегодня, – примириительно начал Лакки, – я ни с кем не поделился мыслью о том, что за В-лягушками может стоять человек. Я даже не мог сообщить об этом на Землю. Ведь кто знает, реальный

враг мог перехватить сообщение и прийти в такую панику, что решил бы на крайние меры – затопил бы, в самом деле, один из городов, а жителей всех остальных сделал заложниками. Но пока он не знает, что в своих подозрениях я не продвинулся дальше коварства лягушек, он какое-то время будет выжидать. Ну, в крайнем случае, попытается убрать меня и моих приятелей.

Сегодня я заговорил обо всем этом потому, что этот человек здесь присутствует. Но все равно, я не начинал никаких действий против него, опасаясь, что, несмотря на все наши предосторожности, он все равно сможет управлять нами. Поэтому мне потребовалось отвлечь его внимание на внешнюю сторону дела – хотя бы на пару секунд. Отвлечь, чтобы он не успел с помощью лягушек разобраться в том, что собираемся предпринять мы с Бигменом. Да, конечно, В-лягушек в здании нет, но откуда нам известно, а вдруг он умеет использовать любых, находящихся в городе, или даже тех, что находятся в океане Афродиты?

И чтобы его отвлечь, мне пришлось обвинить вас, доктор Моррис. Заранее предупредить я не мог, мне требовалось, чтобы вы действовали искренне. Так и вышло. Как здорово вы ринулись на меня!

Моррис достал из кармана пиджака громадный носовой платок и утер лоб.

- Это было ужасно, Лакки, но я вас понимаю. Тернер, да?
- Да, – кивнул Лакки.

А Тернер в это время стоял на коленях возле обломков своего аппарата.

– Вы уничтожили мой компьютер! – сказал он с ненавистью.

– А я сомневаюсь, что это был компьютер, – пожал плечами Лакки. – Слишком уж вы были с ним неразлучны. Когда я увидел вас впервые – он был при вас. Вы сказали, что используете его, чтобы просчитать прочность аварийных перегородок на случай прорыва купола. Теперь он у вас с собой якобы для того, чтобы по ходу беседы с доктором Моррисом производить вычисления. По поводу тех же перегородок.

Лакки сделал паузу и продолжил с холодной твердостью.

– Но я зашел к вам домой на следующее утро после той ночи. Я собирался задать вам лишь пару вопросов, которые никоим образом не были связаны с вычислениями, и вы это знали. Все равно – компьютер был при вас. Что, нельзя было оставить его в соседней комнате? Почему?

– Я сам его изобрел. Я им горжусь и все время ношу с собой.

– Ну, на вид он весил фунтов двадцать пять. Тяжеловатая привязанность. А это не то устройство, с помощью которого вы использовали В-лягушек?

– А как вы собираетесь это доказать? – огрызнулся Тернер. – Сами только что сказали, что и я – жертва. Тут все свидетели.

– Да, – кивнул Лакки. – Нет сомнений, что информация

перешла к человеку возле шлюза из вашего мозга. Но вот в чем вопрос: у вас ее украли или вы добровольно передали ее?

– Погодите-ка, Лакки, – вмешался Моррис. – Я хочу задать ему прямой вопрос. Несете ли вы ответственность за события последнего времени, Тернер?

– Конечно, нет, – закричал инженер. – Вы не можете руководствоваться любой ерундой, которую вам наболтает этот юнец, уверенный, что ему все известно лучше всех, только потому, что он, видите ли, Советник!

– Погодите, Тернер, – приостановил его Лакки. – А вы помните ту ночь, когда произошла заваруха со шлюзом? Вспомните-ка получше.

– Прекрасно помню.

– Значит, помните, как вы подошли ко мне и сказали, что если шлюз откроется, то аварийные барьеры не спасут и Афродита будет затоплена? Вы были напуганы, почти в панике.

– Да. Да, я был напуган. И запаниковать тут есть от чего, и это так же верно, как и то, что вы – бравый Лакки СтARR, – добавил Тернер с издевкой.

Лакки не обратил на этот укол ни малейшего внимания.

– А не подошли вы ко мне с этими словами лишь затем, чтобы еще более усилить замешательство и выгадать время для маневра с Эвансом? Чтобы вывести его из города и уничтожить потом в океане? Им управлять было непросто, да он еще вдобавок узнал о тайне В-лягушек. Может, вы хотели

заодно выкинуть с Венеры и меня?

– Что за ерунда, – ответил Тернер. – Внутренние переговоры действительно слабы. Спросите у Морриса, он разбирался с моими вычислениями.

– Боюсь, Тернер прав, – Моррис неохотно кивнул.

– Неважно, – отмахнулся Лакки. – Давайте вспомним дальше... Реальная опасность – и Тернер в панике. Вы женаты, Тернер?

– А что? – Тернер с изумлением взглянул на Лакки.

– Ваша жена просто очаровательна и очень молода. Кажется, она гораздо моложе вас. Женаты вы менее года.

– И что из этого?

– Да ничего особенного. Вы сильно привязаны к ней. Сразу после женитьбы вы переезжаете в дорогой Дом, вы позволяете ей обставить квартиру по своему вкусу, хотя не слишком его разделяете. Вы побеспокоились бы о ее безопасности, не так ли?

– Не понимаю. О чем вы?

– Сейчас поймете. В тот раз, когда я к вам приходил, ваша жена обмолвилась, что проспала все представление – как она сказала. И ужасно от этого расстроилась. А потом она стала рассказывать о вашем прекрасном доме. Сказала, что в нем есть даже «блоки». Увы, в тот момент это слово не значило для меня ничего, а то бы удалось все выяснить немедленно. Только позже, когда мы болтались в океане, Лу Эванс случайно заговорил о блоках и объяснил, что это такое. Это ин-

дивидуальные убежища, которые строят на случай, если вдруг океан хлынет в Афродиту. Теперь вам все понятно?

Тернер молчал.

– Если вы были так озабочены происходящим, если катастрофа была реальной, то почему вы не подумали о своей жене? Вы видели панику, эвакуацию, почему вы не подумали о ее безопасности? В вашем доме есть блоки. Две минуты – и она в полной безопасности. А вы ей не звоните, и она спокойно спит.

Тернер что-то пробормотал.

– Только не говорите, что запомнили, – добивал его Лакки, – Не поверю. Забыть вы могли что угодно, только не это. Дело в другом. Вы не беспокоились за нее по другой причине – вы отлично знали, что никакой шлюз не откроется, – разозлился Лакки. – Вы прекрасно это знали, потому что сами управляли тем парнем. И подвела вас излишняя внимательность к жене. Вы не могли потревожить ее сон – ради того, чтобы сделать версию более правдоподобной.

– Без адвоката я больше ничего не скажу, – прорезался Тернер. – Но учтите, это лишь домыслы, а не факты.

– Прошу прощения, этого вполне достаточно для возбуждения расследования Совета... – парировал Лакки. – Доктор Моррис, вы не пришлете за инженером охрану? Он отправится на Землю. Мы с Бигменом будем его сопровождать. Доставим в целости и сохранности.

Позже, в гостинице, Бигмен озабоченно сказал:

– Слушай, Лакки, я не вижу, как мы соберем доказательства против Тернера. Твои выводы замечательны, но для суда их недостаточно.

Лакки, с удовольствием переваривая дрожжевой ужин, расслабился впервые с того момента, когда они проникли сквозь облачный покров планеты.

– Видишь ли, Бигмен, – вздохнул он, – не думаю, что Совет так уж заинтересован в том, чтобы засадить Тернера за решетку.

– Почему, Лакки! Такая сволочь...

– Конечно. И убийца, К тому же – изменник, да и диктаторские замашки ему не чужды. Но тут куда важнее, что он сделал гениальную работу.

– Ты о его машинке?

– Да. Мы уничтожили единственный экспонат, и нам потребуется другая такая же. Здесь, вообще, возникает масса вопросов. Как Тернер управлял лягушками? Когда, скажем, он хотел убить Эванса, он что, инструктировал их детально, приказывал подвести гигантское пятно? Или говорил просто: «А убейте-ка Эванса», и те, как науськанные собаки, действовали по своему усмотрению?

Опять же, представь, как можно использовать подобный прибор. Его можно применять при лечении душевнобольных, усаживая импульсы криминального характера. С его помощью, похоже, можно будет в будущем предотвращать войны, быстро и бескровно побеждая противников. Конечно,

это устройство бесконечно опасно в руках одиночки, но станет крайне полезным в руках Совета.

– А ты думаешь, Совет сумеет заставить его сделать новую машину?

– Думаю, да. Под присмотром, конечно. Если мы предложим ему в обмен на это реабилитацию, а иначе – он останется заключенным и никогда не увидит жены. Думаю, он согласится. И понятно, первым делом аппарат должен быть испробован на мозге самого Тернера, чтобы избавить его от болезненного желания власти и сохранить человечеству великолепный мозг.

Завтра они покинут Венеру и отправятся на Землю. Лакки думал о ней, ощущая приятную ностальгию по голубому небу родной планеты, по свободному воздуху, нормальной еде и ничем не ограниченному пространству.

– Запомни, Бигмен, – сказал он задумчиво, – нет ничего проще, чем «защитить общество», отправив преступника за решетку. Но его жертв это не вернет. А вот если его удастся исцелить и с его помощью сделать жизнь общества лучше и ярче... Это, по-моему, серьезней и достойней.